

Три женщины одного мужчины

Автор:

Татьяна Булатова

Три женщины одного мужчины

Татьяна Булатова

«Муж и жена – одна сатана» – гласит народная мудрость. Евгений Вильский был уверен, что проживет со своей Женькой всю жизнь – ведь и зовут их одинаково, и друзья у них общие, и дети – замечательные. Но есть еще одна мудрость: «Жизнь прожить – не поле перейти». И смысл этих слов Вильский постиг, когда понял, что не бывает только белого и только черного, только правильного и только неправильного. И половина – это необязательно одна вторая, вопреки законам математики и логики...

Татьяна Булатова

Три женщины одного мужчины

© Федорова Т. Н., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Женьке Вильскому золотозубая цыганка нагадала долгую жизнь.

– Сколько? – поинтересовался он и зажмурился в предвкушении ответа.

– А сколько ты хочешь? – Пожилая и изрядно потрепанная с виду гадалка ловко перекатила обмусоленную сигарету из одного угла потрескавшегося рта в другой.

– А сколько дашь? – браво тряхнул рыжей челкой Женька и подмигнул стоявшим неподалеку одноклассникам – Вовчику и Левчику, по редкому совпадению носившим одинаковую фамилию Рева, несмотря на отсутствие родственных связей.

– Я не даю, – ухмыльнулась цыганка и схватила парня за руку, заглядывая тому в глаза. – Дэвел дает.

– Кто? – Женька попробовал высвободить руку, но гадалка с силой удержала ее в своей.

– Дэвел, – строго и значительно повторила цыганка, а потом снова ухмыльнулась и кокетливо пропела: – А позолоти девушке ручку...

– Это кто тут у нас девушка? – высокомерно оглядев гадалку с ног до головы, съязвил Женька и вновь попытался выдернуть руку.

– Я. А что, не похожа? – недобро засмеялась женщина и выплюнула на землю потухшую сигарету. – Денег дашь – скажу.

– Не дам я тебе денег. – Женька наконец-то вырвал руку и автоматически вытер ее о выдавшие виды школьные брюки. Этот жест не ускользнул от цепких цыганских глаз, парню стало неудобно, и он зачем-то объяснил гадалке: – Вспотела.

– Тогда сигарету дай! – потребовала цыганка и грудью пошла на Вильского, не отрывая от него взгляда.

– Нет у меня сигарет, – наврал Женька и попятился.

– Есть, – усмехнулась цыганка и постучала коричневым пальцем по левому лацкану кургузого форменного пиджака. – Тут.

– Нет, – предательски покраснел Вильский.

– Есть, – притопнула ногой гадалка. – Зачем девушку обманываешь? Мне Дэвел все скажет, а ты слушай, рыжий! – Она зажмурилась и зачастила: – Сердце большое, в нем три женщины. Нет, пять.

– Скажи еще: «Шесть!» – съерничал Женька, пытаюсь скрыть испуг.

– Шесть, – неожиданно серьезно подтвердила цыганка и снова схватила Вильского за руку. – Но ты – ничей.

– Как это ничей? – струхнул Женька и поискал взглядом товарищей в надежде, что те вызволят его из цыганского плена. Но тем, похоже, самим нужна была помощь: окруженные галдящими цыганками разного возраста, они тщетно пытались прорвать плотную оборону голосистых попрошайек.

– Сюда смотри, не туда! – шикнула на Вильского гадалка и больно стукнула заскорузлыми пальцами по его прыщавому юношескому лбу. – Видишь? – Она поднесла к Женькиным глазам свою темную сухую ладонь и ткнула в ее середину указательным пальцем левой руки. – Видишь?

– Что?

– Себя! – Голос цыганки стал глуше, она заговорила тихо и, как показалось перепуганному Вильскому, зловеще: – Смотри еще!

Женька послушно вытаращил глаза, но ничего, кроме испещренной глубокими линиями старческой ладони, не увидел. Цыганский фокус не удался, и тогда гадалка спешно поменяла тактику:

– Дай руку!

Вильский беспрекословно протянул. Цыганка дунула в Женькину ладонь и заскользила пальцем по невнятным линиям, еле заметным на светлой, почти белой коже.

– Смотри! – снова скомандовала она, а потом с невольно просочившейся жалостью в голосе сказала: – Два раза хоронить будешь. Проклят будешь. Жить будешь.

– Сколько? – выдавил из себя притихший Женька.

– Сколько Бог даст, столько и будешь, – сердито пояснила гадалка. – Все иметь будешь, а ничего с собой не заберешь. Умный ты, а один!

– А как же шесть женщин? – криво улыбнулся Вильский.

– Как положено: проводят и дальше пойдут. Дел много – жить надо.

– А я? – выдохнул Вильский, и по его веснушчатому лицу разлилась свинцовая бледность, почти стерев густо рассыпанные веснушки.

– И у тебя дел много. – Цыганка выпустила Женькину руку. – На три жизни.

От слов «на три жизни» на душе у Вильского полегчало, и он с остервенением начал рыться в карманах.

– На! – Женька протянул гадалке смятый бумажный рубль, выданный матерью на школьные обеды, и несколько медяков.

Цыганка, осмотрев добытые честным трудом деньги, сначала взяла рубль, аккуратно сложила его вдвое и засунула в невидимый глазу карман какой-то из многочисленных юбок. Потом двумя пальцами подхватила две копейки, потеряла монету о подол и брезгливо швырнула под ноги стоящим неподалеку товаркам. Причем ни одна из цыганок не потрудились нагнуться, чтобы поднять монету. На ладони у Вильского оставалось еще два медных кругляшка, каждый достоинством в три копейки.

– Возьмите, – попросил он гадалку, на что та ловко выхватила одну из монет и снова утопила ее в цветастых складках. – А эту? – поинтересовался Женька и показал на монетку, оставшуюся на ладони.

– Себе оставь, рыжий, – разрешила цыганка и шепотом добавила: – В Бога не веришь, глупый. Своим законом жить хочешь. С собой носи, на удачу.

– А сколько я жить-то буду?! – требовала ясности Женькина глупая юность.

– Сколько надо, столько и будешь, – бросила через плечо женщина и степенно направилась к своим соплеменницам, сообщая окучивающим очередную жертву со словами: «Всю правду скажу... Не бойся».

Пятьдесят лет спустя эта, в сущности, хрестоматийная история совершенно неожиданно всплыла в день похорон Евгения Николаевича Вильского в пересказе поседевших и располневших Вовчика и Левчика, глубоко пожилой матери покойного – Киры Павловны – и трех женщин, пришедших проводить его в последний путь: кто-то со словами непрощенной обиды, кто-то – благодарности, а кто-то – недоумения, словно песню оборвали на полуслове.

История первая: самая правдивая и короткая

– Женька жару терпеть не мог, – сообщил Лев Викентьевич Рева и с неподдельной грустью посмотрел сперва на лежащего в гробу друга детства, потом на занавешенное темными портьерами окно, а потом снова на лицо покойного. – Да-а-а... – протянул затянутый в костюм Левчик и схватился за сердце, чем привел Киру Павловну в состояние крайнего возбуждения:

– Ты давай еще помри. Одного мне мало!

– Да не про то я, тетя Кира, – отмахнулся от голубоглазой кудрявой старухи Лев Викентьевич, и в груди что-то екнуло. Но не опасное, не страшное, а волнующее, потому что подтверждало, что сам-то он жив и даже может надеяться на грядущие перспективы, которые представлялись ему самыми обнадеживающими.

Льва Викентьевича ждал запланированный еще с зимы круиз по скандинавским странам в сопровождении очередной верной и волнительно юной подруги,

о существовании которой Нина, жена, разумеется, догадывалась, но стопроцентной уверенности в измене не имела. Во всяком случае, Левчик Рева делал все, чтобы супруга пребывала в счастливом неведении. Именно с этой целью круиз настойчиво именовался «командировкой по обмену опытом с коллегами из-за рубежа», и, как уверял жену Лев Викентьевич, ехать ему совершенно не хотелось, потому что здесь у него семья, внучка-отличница, дача, а там – фьорды, черт бы их подрал, холодная вода и «низкое небо над головой». «Но... – многозначительно ронял Левчик, – ничего не поделаешь: производственная необходимость». И Нина Рева мужественно принимала условия игры и смиренно склоняла голову к надежному плечу кормильца, понимая, что «производственная необходимость» и благосостояние семьи – понятия взаимосвязанные.

Мысль о предстоящем отдыхе взволновала Льва Викентьевича не на шутку: он даже запямятовал, что собирался сказать, и с надеждой посмотрел на Киру Павловну, не по годам здравомыслящую, по-прежнему эгоистичную и резкую в оценках женщину.

– Ну? – протянула она недовольно и поправила выбившиеся из-под кружевной косынки непослушные седые кудельки.

– Что? – Левчик для отвода глаз поправил галстук, пытаясь заново сформулировать ускользнувшую мысль.

– Договаривай! – приказала Кира Павловна.

– Лечиться надо было вовремя! – вынес вердикт Лев Викентьевич и строго посмотрел на безмолвного Женьку. – Вовремя! А не за неделю до смерти.

– А чего ж ты ему об этом не сказал? – вступилась за сына Кира Павловна, пытавшаяся найти виновного в случившемся. – Чего ж ты другу-то своему не сказал, Лева, что курить вредно?

– Я сказал, – отказался брать на себя вину Лев Викентьевич. – Я Женьке давно говорил: бросай курить, бросай курить, черт рыжий.

– Так он тебя и послушал, – махнула рукой Кира Павловна и поправила рюшку на обивке гроба. – Никого он не слушал. Вот, бывало, говорю ему: «Не кури!

Не кури, сынок, эту гадость!» А он мне: «Курил, мать, курю и буду курить!» И все, Лева. Никаких разговоров. А ты хотел!

Лев Викентьевич виновато потупился.

– Никто матерей не слушается, – подвела горький итог Кира Павловна и задумалась. – Разве ж это мыслимо? Оставил меня одну, девяностолетнюю старуху: доживай, мать, как хочешь, а я полежу... Лежишь? – обратилась она к сыну и, не дождавшись ответа, погладила его по холодному лбу. – Вот и лежи теперь, неслух! Все вы неслухи, – неожиданно ласково прошептала она и мелко-мелко затрясла головой, отчего гипюровая косынка соскользнула с волос, и они встали дыбом, распространив вокруг маленькой головы серебристое сияние.

– Не плачьте, тетя Кир, – жалобно попросил Левчик и закрутил головой в поисках верного однофамильца Володи Ревы. – Не плачьте, пожалуйста.

– Как это я плакать, Лева, не буду? – изумилась старуха и с гордостью расправила плечи. – Ты на Вовку-то посмотри. Видишь, как убивается?

Лев Викентьевич заскользил глазами по комнате, но никого, кроме сидевшей напротив себя Женькиной матери, не увидел. На минуту Левчику даже показалось, что старуха сошла с ума, и тогда ради чистоты эксперимента он поинтересовался:

– Где, тетя Кир?

– Ты слепой, что ли, Лева? – заворчала Кира Павловна.

– Здесь я, Левчик, – всхлипнув, выдал себя Вова Рева, пытавшийся спрятаться за дверным косяком.

– Не плачь, Вовчик, – бросился успокаивать друга Лев Викентьевич.

– Не могу, – отказался подчиниться товарищ. – Я недавно мать схоронил. Словно заново все.

Кира Павловна с интересом посмотрела на седовласого Вовчика, нашла его образ убедительным и покровительственно изрекла:

– Потому что ты, Вова, нормальный человек. Сначала Лиду похоронил, а потом уж сам встал в очередь.

После этих слов школьные товарищи переглянулись.

– А этот, – кивнув головой в сторону покойного, поджала губы старуха, – всегда поперек батьки в пекло неся. Три жизни жить собирался.

– Это ему цыганка нагадала, – в один голос воскликнули осиротевшие друзья, реальные свидетели судьбоносного инцидента полувековой давности.

– Не верю я этим цыганкам, – замотала головой Кира Павловна. – Ни одной не верю! И ему всегда говорила: «Не верь, Женька! Обдурют и женют». А он им еще деньги давал. Видал, что нашла?! – Она повозилась в кармане черного кримпленового платья и вытащила оттуда трехкопеечную монету, датированную 1963 годом. – В кармане у него была, в брюках... В морг вещи собирала – и вот... Всегда ведь с собой носил. Помню, Женя Веру рожала, а он все монетку подбрасывал: орел, мол, или решка, парень или девка.

– Не хотел он мальчика, – подала голос сидевшая в комнате напротив первая сноха Киры Павловны.

– Это они все так говорят, – отмахнулась от бывшей невестки старуха. – А вы, дуры, верите. Забыл он, – заплакала Кира Павловна и спрятала монету обратно в карман. – Переодел брюки-то, а копейку не переложил. Видно, уж так плохо ему было, что забыл. «Ухожу, – говорит, – мама. В больницу. Жди, мол, может, еще и приду». А сам не пришел. И я, дура старая, ничего ему не сказала. Думала: «А как же? А то не придешь?» Разве ж я знала? – Старуха поискала глазами вышедшую на время из комнаты, вдоль стен которой были расставлены пластиковые траурные венки, старшую внучку и, не найдя, зло добавила: – Все люди как люди. Домой возвращаются, а этот...

– Разве ж он виноват, Кира Павловна? – вступилась за Вильского его первая жена, тоже по иронии судьбы носившая имя Евгения, и, кряхтя, поднялась с кресла, чтобы пройти в комнату, где стоял гроб.

– А ты его не защищай! – прикрикнула на сноху старуха и вмиг обмякла. – Видишь, Вова, – обратилась она к присевшему рядом с ней Реве-второму. – Какой красивый лежит. Рыжий. – Кира Павловна потянулась и ласково погладила сына по густым, стоявшим щеткой волосам. – Еще лучше, чем в жизни. Видал, какой розовый? Чисто дите, а не шестидесятисемилетний мужик.

– Это румяна, – приоткрыла завесу тайны перед свекровью Женя. – Теперь всем, кого бальзамируют, сразу макияж делают.

Слово «макияж» неприятно покорило сопевшего на стуле Льва Викентьевича, и он укоризненно посмотрел на Евгению.

– А что ты так на меня смотришь, Лева? – моментально отреагировала первая жена Вильского. – Конечно, макияж. Иначе б он синий сейчас лежал.

– Чего б это он синий-то лежал? – забеспокоилась Кира Павловна, уверенная в том, что сын ее, Женька, умер легко и быстро. По словам младшей внучки, как ангел. «Точно, бабуль, как ангел!» – успокаивала в тот день голосившую бабушку экзальтированная Вероника, совершенно не соображая, что ангелы бессмертны.

– Посмотрела бы я на вас, Кира Павловна, – скривилась Евгения, но договорить не успела. Строптивая старуха тут же ее оборвала:

– Посмотришь еще, Женечка, не сто лет жить буду.

– Да живите, тетя Кир, – всхлипнул сентиментальный Вовчик и полез за носовым платком в задний карман брюк.

– Да че ж я вам, клоун, что ли?! – возмутилась мать покойного и, поджав губы, изрекла: – Ни дня жить без него не хочу. Сами со своей кошкой теперь доживайте! – пригрозила Кира Павловна и позвала: – Мотя! Мотя! Мотя!

Кошка не отозвалась.

– Не идет, стервь. Боится! Сам ведь все время ее отсюда гонял. Не разрешал в свою комнату заходить. А сейчас говорю ей: «Иди сюда, Мотя. Умер Женька-то.

Ходи теперь, сколько влезет», – а она все равно носа не кажет. Так в темнушке и сидит. Ты б ей, Женя, печенки бы пожарила, а то ведь второй день ничего не ест.

– Скажете тоже, Кира Павловна, – возмутилась сноха. – Жара такая, на улицу выйти невозможно, а вы про кошку.

– А чего ж тебе жара? – искренне удивилась старуха, предполагая, что у людей младше ее по возрасту претензий к жаре не может быть по определению. – Дойди по теньку, купи печенки и пожарь у себя. Может, поест.

– Ну уж нет! – категорически отказалась совершать подвиг Евгения Николаевна. – Если хотите, вечером пожарю.

– Дорого яичко, да к Христову дню, – обиделась свекровь. – Придется чужих людей просить. Может, ты, Лева, Нину свою попросишь? Все равно ж придет прощаться, так пусть хоть с толком.

Лев Викентьевич стушевался, но отказать матери покойного друга не решился.

– Да я сейчас позвоню, тетя Кир. – Он полез за сотовым телефоном.

– Уж позвони, Лева, сделай милость, – простонала Кира Павловна и посмотрела сквозь сидевшую напротив сноху. – Не всякий раз просить-то буду. Если только что...

– Вы это, – заволновался Вовчик, – тетя Кира, просите. Я ведь тоже сготовить смогу, это я запросто.

– Спасибо, Вова, тебе, – низко опустила голову Кира Павловна, а потом резко ее вскинула и гордо посмотрела сквозь невестку.

– Не надо куда звонить, – запретила вернувшаяся в комнату старшая внучка Вера и строго посмотрела на бабушку. – Зачем тебе сейчас печенка? Я твою кошку уже кормила. Ника корм ей привезла.

– Не ест она ваш корм! – вступилась за кошку Кира Павловна.

– Она вообще сейчас ничего не ест, – напомнила внучка. – В кухню зайдешь: одни миски по углам. Как в ресторане. Хочешь – «Вискас», хочешь – колбаса. Хотя сама садись и ешь, – горько пошутила Вера. В этой семье, похоже, чувство юмора было неискоренимо.

– А чего тогда не ешь? – не осталась в долгу бабка.

– Кусок в горло не лезет, – криво улыбнулась горбоносая Вера.

– Вот и Моте моей не лезет, – подвела итог Кира Павловна и, немного подумав над горькой участью осиротевшей, как она считала, кошки, обратилась к Льву Викентьевичу: – А ты все-таки, Лева, позвони. Позвони Нине, чтоб вхолостую не ходила.

– Не надо куда звонить, дядя Лева. – В голосе старшей внучки Киры Павловны Вильской зазвучали железные нотки. – Не слушайте ее. – Вера кивнула в бабкину сторону и подняла брови, явно о чем-то сигнализируя отцовскому другу.

Лев Викентьевич поймал Верин взгляд и медленно поднялся со стула, задержав взгляд на галстук покойного.

– А галстук какой красивый! Ты отцу покупала?

– Да что вы! – грустно улыбнулась Вера. – На папу невозможно было угодить – это он все сам. Видели его коллекцию? – Она была так похожа на покойного Вильского, что при взгляде на нее Левчику стало не по себе и он, пробираясь мимо роняющего слезы Вовчика, чуть не опрокинул стоявший на трех табуретах гроб.

– Осторожно! – в один голос воскликнули все присутствующие, а сидевшие рядом схватились руками за края гроба, словно за борта переворачивающейся лодки.

– Ффф, черт! – выругался жизнелюбивый Лев Викентьевич, интуитивно избегавший любого соприкосновения со смертью. На похоронах, а они случались все чаще и чаще, Лева всегда предпочитал получить роль главного организатора, чтобы иметь объективные причины заявить воображаемой

смерти, что он здесь – по делу, а не в очереди стоит.

В ситуации с неожиданно ушедшим из жизни Женькой Вильским такая возможность Льву Викентьевичу предоставлена не была: «пальму первенства» из его рук изящно выхватили две взрослые дочери школьного друга, Вера и Ника, всерьез обеспокоенные тем, чтобы угодить преждевременно ушедшему из жизни отцу.

– Может, автобус заказать? Вдруг людей много будет? – предложил свою помощь Лев Викентьевич Рева и с мольбой посмотрел в глаза Вере.

– Закажите, дядя Лева, – с готовностью приняла предложение старшая дочь Вильского и подошла к отцовскому товарищу так близко, что тому не осталось ничего другого, как обнять красавицу Веру и погладить ее по спине. Она всхлипнула и уткнулась Льву Викентьевичу в плечо.

– Поплачь, поплачь, Верочка, – прошептал ей на ухо Лева и сжал еще сильнее. – Ты ведь мне как дочь, – произнес Рева и неожиданно даже для себя самого смутился, почувствовав, что в его словах правды и на один процент не наберется. Гладя Веру по спине, он испытывал отнюдь не отцовские чувства. Спина женщины была столь беззащитна, что Льву Викентьевичу пришла в голову совсем уж бредовая, как он счел, мысль: «Вот бы и мне такую. С такой вот спиной и острыми, как у девочки, ключицами».

– Пойдемте, дядя Лева, – прошелестела ему куда-то в шею Вера, и Левчика обдало жаром.

– Куда? – со странной надеждой в голосе спросил он.

– Галстуки покажу, – напомнила дочь Вильского и потянула отцовского друга за собой.

– Не надо! – напугался Лев Викентьевич Рева.

– Почему? – искренне изумилась Вера и отпрянула от него.

Лева хотел сказать «примета плохая», но не решился и, как всегда, наврал:

– Не могу, Верочка. Боюсь, сердце не выдержит на это смотреть. Потом как-нибудь.

– А я хотела, чтобы вы в память о папе для себя галстук выбрали.

Реве от этих слов стало нехорошо: сначала чуть гроб не перевернул, потом – галстук, черт его дери, так и недолго следом за товарищем...

– Давай, Вера, я выберу, – скромно предложил заплаканный Вовчик, даже не предполагая, какую поддержку оказывает перепуганному насмерть другу. – Мне можно?

– Конечно, дядя Вова, – с готовностью отозвалась Вера и устремилась к стоящей у стены «Хельге».

На фоне тщательно подбираемой отцом техники (компьютер, телевизионное панно, домашний кинотеатр, синтезатор) этот сервант казался полным анахронизмом, но избавиться от него не было никакой возможности из-за капризов девяностолетней бабки, по-прежнему считающей наличие «Хельги» в доме главным признаком социального и материального благополучия.

– Только через мой труп! – бывало, кричала она на сына и гневно потрясала усохшим кулачком.

– Ма-а-ать! – взвизывался Евгений Николаевич, в очередной раз предложивший привести комнату в соответствующий двадцать первому веку вид. – Это ж не сервант! Это гроб дубовый!

– Вот в нем меня и похоронишь! – доводила бедного Женьку до белого каления Кира Павловна и, тяжело дыша, набирала номер старшей внучки. – Житья никакого не стало! – жаловалась она на сына и для пущей убедительности всхлипывала, причем глаза оставались совершенно сухими. – Все из дома выносит. Чисто пьяница какой!

– Ну что ты говоришь, бабулечка, – пыталась успокоить разгневанную бабку Вера. – Папа же не пьет.

– Много ты знаешь! – не сдавала позиций Кира Павловна. – Раз вино держит в доме, значит, пьет! Дед вот твой не пил, и вина у нас сроду не бывало.

– Что случилось? – Верин голос менялся, и это заставляло Киру Павловну собраться с мыслями и изложить суть дела внятно.

– «Хельгу» мою хочет выбросить, – шептала она внучке в трубку и спешно добавляла: – Подожди, дверь закрою, а то подслушивает.

– Бабушка, – строго говорила Вера, – прекрати нести ерунду.

– Никакая это не ерунда! – сопротивлялась внучке разругавшаяся от негодования Кира Павловна. – Знаешь, сколько эта «Хельга» стоит?

– Сколько? – устало интересовалась Вера.

– Тыщ десять! – шепотом сообщала бабка.

– Кто тебе сказал?

– Никто, – отказывалась выдать сообщников Кира Павловна.

– Тогда откуда ты знаешь? – Вера пыталась вразумить бабушку.

– Люди сказали.

– Понятно, – хмыкала внучка и сочувствовала отцу. – А папа что говорит?

– Как всегда! – снова заводилась Кира Павловна.

– А точнее! – Голос Веры становился строже.

– Говорит: «Ни одной женщины в дом не могу привести, чтоб не напугалась».

– А ты?

– А я говорю: «И нечего этим шалавам у меня в доме делать!»

– А он? – механически задавала вопросы старшая внучка.

– А он – дверью хлоп, и дело с концом!

– Дай трубку отцу, – требовала внучка, и довольная Кира Павловна победоносно кричала из своей комнаты запершемся в зале Евгению Николаевичу:

– Женя! Иди! Вера тебя зовет.

Имя Вера в семье старших Вильских считалось волшебным. При его звуке одинаково менялось выражение лица как Киры Павловны, так и Евгения Николаевича. Верой клялись, Верой грозили, Веру призывали в свидетели и стыдили здесь тоже Верой.

Если звонила Вера, Евгений Николаевич подходил к телефону безоговорочно, даже если и не хотел в данный момент ни с кем общаться.

– На проводах, – сумрачно приветствовал он дочь и уходил с трубкой в свою берлогу. – Чего она опять набаламутила?

– Пап, – миролюбиво просила отца Вера, – ну потерпи еще немного. Ей ведь уже девяносто. Пусть она доживает со своей «Хельгой» в обнимку.

– Пусть, – тут же соглашался Евгений Николаевич. – Я что, против?

– Знаю, что не против, – безоговорочно верила отцовским словам Вера. – Но мне ее тоже жалко.

– Ты ее, Вера Евгеньевна, не жалей! – Голос отца становился суровым. – И поменьше ее слушай. Та еще сказочница. Поди, всему двору растрезвонила, как я у нее «Хельгу» отнимаю.

– Ну что ты говоришь?! Что ты говоришь?! – начинала волноваться Вера. – Она уж сколько лет во двор не спускается.

– А зачем ей спускаться? – резонно замечал Вильский. – У нее телефон есть. Чуть что – звонить начинает. Тебе вот, например.

– Папа! – раздражалась на том конце Вера. – Ну а мне что прикажешь делать? Трубку не брать? Вы там вдвоем с этой чертовой «Хельгой» разобраться, что ли, не можете?!

– Не мякни! – успокаивал дочь Евгений Николаевич. – Все в порядке у нас.

– Ну где же «в порядке»? – теперь не могла успокоиться Вера.

– Я сказал – в порядке, – завершал разговор Вильский и вешал трубку, а Вера еще долго сидела на диване и думала, что бы ей предпринять, чтобы эти два дорогих для нее человека помирились. А пока она думала, наступал вечер, и потребность звонить отпадала сама собой, потому что не до того. Требовали ее внимания и муж, и ребенок. С ними бы успеть разобраться!

А на следующий день уже звонил с повинной сам Евгений Николаевич:

– Ты думаешь, я не понимаю? Я все понимаю, – уверял он дочь. – Но и ты меня пойми, мне седьмой десяток, а я как пацан возле мамкиной юбки. И ладно бы возле юбки. Я ж привязанный: ремонт делать нельзя, душевую кабину нельзя. Ничего мне, Вера Евгеньевна, теперь нельзя. Потому что старость надо уважать! – с сарказмом изрекал Вильский и умолкал.

– Ну ведь она в этом не виновата, папа. Она тоже, наверное, по-другому представляла, как доживать будет.

– Это точно, – усмехался Вильский. – Но что есть, то есть. Я, если честно, Вер, тоже по-другому свою старость представлял. Не так.

– Ну что ты говоришь! Какой ты старый? – расстраивалась старшая дочь Евгения Николаевича. – У тебя все впереди. И на работе тебя ценят. «И жених ты завидный!» – хотелось добавить Вере, но она удерживала это в себе и переводила разговор на другое. – Не будет же она сто лет жить, пап.

– Плохо ты свою бабушку знаешь, Вера Евгеньевна! – смеялся Вильский. – Она еще всех нас переживет, между прочим, с «Хельгой» в обнимку.

«Так и вышло», – вспомнила Вера слова отца и сразу же возненавидела этот сервант, хотя еще вчера смотрела на него с умилением и даже тайком поглаживала его лакированную поверхность, параллельно думая, что вот у нее дома – пластик, МДФ, ламинат, линолеум, а здесь – настоящее дерево, долговечное и преданное владельцу: рядом родился – рядом умер.

– Куда ты? – встрепелась Кира Павловна, как только внучка приподняла простыню, которой был занавешен торжественно поблескивающий лаком сервант, чтобы открыть дверцу.

– Хочу дяде Вове папины галстуки показать, – сообщила бабушке Вера и с заметным усилием потянула дверцу на себя.

Кира Павловна осталась недовольна ответом, поджала губы и замерла на стуле с ощущением, что в сегодняшнем представлении ее как-то бесовестным образом обошли, не дали сказать самого главного, лишили хозяйского статуса. Поэтому она укоризненно посмотрела на Вовчика, мысленно транслируя чуткому Женькиному товарищу, что не время еще имуществом покойного распоряжаться. И вообще не Верино это дело, а ее. Потому что – мать! Потому что – самая старшая. И потому, что в своем доме, в своей квартире, а не приживалкой у родственников, как многие ее сверстницы.

– Не рано ли?! – собрала она губы в куриную гузку.

– В смысле? – оторопела Вера и внимательно вгляделась в бабушкины сузившиеся, насколько это было возможно, глаза.

– Ты б дождалась, когда его (Кира Павловна кивнула головой в сторону покойного) вперед ногами вынесут, а потом уж нажитое им добро раздавала.

– Ты чего, бабуль? – вздрогнула внучка и беспомощно посмотрела сначала на одного отцовского друга, потом на другого.

– Не надо, не надо, Верочка, – сразу же зачастил смутившийся Вовчик. – Потом как-нибудь, в другой раз. Тетя Кира права: не по-человечески как-то. Может, Женьке и не понравилось бы. Правда, Женек? – обратился он к покойному и опять всхлипнул. – И не скажет ведь ничего, ни слова. Молчит и молчит. Э-э-эх, Жека, Жека, – по-стариковски запричитал Володя Рева над гробом и похлопал покойного по топорщащемуся лацкану пиджака. – Дурак ты, Женька! А ведь и правда три жизни жить собирался. Помнишь? – призвал он в свидетели вальяжного Льва Викентьевича, внимательно наблюдавшего за реакциями присутствующих с конкретной целью: определить, на чьей стороне сила.

В силу особенностей характера Лева не любил конфликтов, всегда был конформистом и искренне считал, что худой мир лучше доброй ссоры. Он даже на выборы ходил с четкой установкой: «Голосую за того, кто победит». Друзья знали склонность Левчика к конъюнктуре, но в вину ему это не ставили, принимая товарища таким, какой он есть. К тому же и у Вовчика, и у рыжего Женьки в глубине души существовала прочная уверенность в том, что Лева своих в беде не оставит.

Проблема была в другом: «своих» со временем становилось все больше и больше, и среди них определились «неприкасаемые». К их числу относилось ближайшее окружение Льва Викентьевича (жена Нина, дочь Леночка, а теперь уже и внучка-отличница), а еще два школьных друга (знаменитый однофамилец и рыжий Вильский).

Сейчас рядом с гробом чужих тоже не было, но Лева свято соблюдал этикетные моменты, поэтому с легкостью готов был поддержать властную Киру Павловну даже в ущерб интересам единственного теперь друга и дочери покойного.

– Про что это ты? – Левчик притворился, будто не понимает обращенного к нему вопроса.

– Ну как же?! – растерялся Вовчик и трубно высморкался в скомканный платок. – Женька еще все время твердил: «Мне, чуваки, смерть не страшна. Три жизни жить буду».

– Это он вот про что, – встrepенулась Кира Павловна и снова вытащила из кармана трехкопеечную монету. – Вот про это, Лева. – Старуха повертела перед носом у Левчика сыновий талисман.

– А-а-а-а! – картинно стукнул себя по лбу Лев Викентьевич и похлопал Вовчика по плечу. – Помню, конечно! Мы тогда математику написали и за вином поехали в «Хитрый».

– Куда? – не поняла Вера.

– В магазин, – пояснил Вовчик.

– А почему «Хитрый»? – попыталась докопаться до сути любопытная Вера, за эти два дня с момента смерти отца сто раз пожалевшая о том, что многое не успела у него выпросить. Вот и магазин этот, «Хитрый», как-то стороной прошел.

Объяснять ей, неосведомленной в топонимических нюансах старого города, стали все вместе: заерзавшая на стуле Кира Павловна, Верина мать, разгоряченные воспоминаниями друзья отца. Со стороны могло показаться, что речь идет о чем-то столь важном, что любое умолчание губительно для дела.

Вере даже стало немного обидно. Возникло ощущение, что все забыли о самом главном – о том, что посередине комнаты гроб, а в гробу – ее отец. А все остальное – незначительно и мелко. Разве об этом нужно сейчас думать? О каких-то магазинах, выпускных экзаменах, о покупке вина?

– Хватит, – прикрикнула она на расшумевшихся рядом с гробом и тут же миролюбиво пояснила: – Я все поняла, «Хитрый» – это магазин в Татарской слободе.

– Ну! А мы про что? – выдохнули спорщики.

– Вообще-то, Лева, ты не про «Хитрый» Вере рассказывал, – напомнила Льву Викентьевичу Женя Вильская.

– Да чего там рассказывать, Женек! – спохватился Левчик. – Сдали математику, поехали в «Хитрый», рядом автостанция была, «Арсенал» называлась. Там еще ракетные части стояли. Помните, тетя Кир?

Старуха в знак согласия покладисто кивнула головой, отчего гипюровая косынка снова соскользнула с волос. Но Кира Павловна не поторопилась возвращать ее

на место.

– Так вот, – продолжил Лев Викентьевич, а Вова Рева галантно поставил с противоположной стороны гроба еще один стул и предложил Вере сесть рядом с бабушкой. – Там еще цыганский поселок был.

– Табор, – подсказал Вовчик.

– Да какой табор! – отмахнулся от товарища Лева. – Самый что ни на есть настоящий поселок: жили в своих халупах, сколько я себя помню, на одном и том же месте. Все время еще ковры на заборах сушили.

– Зачем? – встряла Вера.

– Так у них дома на скорую руку были сколочены – из фанеры, из досок. В общем, что бог послал. Как дождь пойдет – все мокрое. Вот они тряпки на заборе и развешивали. Так вот, – продолжал Лев Викентьевич, – они на промысел к этой автостанции ходили: гадали, попрошайничали.

– Воровали, – добавила со знанием дела Кира Павловна и довольно крякнула.

– Ну, не без этого, – усмехнулся Левчик.

– Ты, Лева, в сторону-то не уходи, – приструнила воодушевившегося рассказчика Евгения Николаевна.

– Да он не уходит, – вступился за друга Вовчик. – Только мы к автостанции подошли – к нам цыганки. И одна, страшная такая, в возрасте, Женьку за рукав цоп – и в сторону. Мы ему, значит, с Левчиком кричим: «Давай, быстрее!» А он как приклеенный, стоит с ней рядом и ни шагу.

– Не так все было! – перебил Лев Викентьевич. – Он сам тогда сказал: «Посмотрим, кто кого!» – и за ней пошел. Ничего эта цыганка его не держала.

– Ты не помнишь, – стоял на своем Вовчик. – Она в него вцепилась и стала клянчить.

– Это ты не помнишь! – снисходительно усмехнулся Лева. – Он сам ее еще подзуживал: «Спорим, – говорил, – ты не знаешь, на что я математику написал».

– Точно-точно, – обрадовался Владимир Сергеевич Рева, словно вспомнил что-то очень важное, и глаза его наполнились слезами. – Она ему еще тогда сказала: «Пусть директор про твою математику знает, а я другое тебе скажу».

«Ну и сколько мне жить осталось?» – спрашивает ее наш Женька, а цыганка его раз-раз и в сторону оттерла, а потом что-то уже одному говорила, без нас. Мы не слышали, – объявил он Кире Павловне. – Самим отбиваться пришлось. У тебя тогда еще комсомольский билет вытащили из кармана, – напомнил Вовчик товарищу. – Потом вы его с Женькой обратно за два рубля выкупили у нее же.

– Да не у нее, та молодая была, а Женьке старуха гадала. С золотыми зубами.

– У них у всех золотые зубы, – подтвердила Кира Павловна. – У работниц-то у этих.

– И что она ему нагадала? – с отрешенным видом спросила Вера, заранее предполагая, что, разумеется, какую-нибудь несусветную чушь.

– Ну, я точно не знаю, – замялся Вовчик. – Но помню, он к нам тогда с Левкой подходит и говорит: «Я, между прочим, три жизни жить буду. Три раза по сто! Как ворон». А Левчик ему: «А чего это по сто? Может, по пять или по десять?»

«Нет, – отвечает Женька. – Точно не по пять. Иначе б я уже умер два года как».

«Дураки вы! – говорю я им. – Нашли о чем спорить: пять, десять. Какая разница! Живи на здоровье». А потом ты, Левчик, в карман полез и...

– Да я чуть не поседел тогда! – заволновался Лев Викентьевич. – Что значит, комсомольский билет сперли! Иди потом доказывай, что не сам потерял. Могли бы из комсомола турнуть, а мне поступать. Ладно сообразили вовремя!

– Это все? – сумрачно поинтересовалась Вера.

– Ну а что еще? – пожал плечами Лева Рева. – Женька ведь скрытный был. О чем ни спросишь – все у него нормально. Ему еще наша учительница по литературе говорила: «Вильский! Оставьте эту дурную привычку. «Нормально» – это никак. Юноша из такой семьи, как ваша, должен использовать другие формы ответа».

«Какие, Полина Тимофеевна?» – спросит ее Женька и, как гусар, – навтыяжку.

«Иные, друг мой! В соответствии с воспитанием».

– Теть Кир, – неожиданно полюбопытствовал Вовчик. – А Женька-то у вас православный? Отпевать будете?

– Конечно, православный, – подтвердила Кира Павловна и наконец-то водрузила на место кружевную косынку. – Только некрещеный.

– Ну что ты говоришь, бабуль? – всплеснула руками Вера. – Если он некрещеный, то какой же православный? Он даже в Бога не верил. И нам с Никой говорил: «Если я умру, считайте меня атеистом».

– Я тебе так скажу, Верочка, – приосанилась Кира Павловна. – Правильно отец твой в Бога не верил. Правильно! Потому что, – голос ее задрожал, – если бы Бог был, разве бы он такое допустил? Разве бы он допустил, чтобы я одна в девяносто лет на этом свете осталась?

– Да вы не одна, тетя Кир! – бросился ее успокаивать Вовчик.

– Одна, Вова. Теперь – как перст одна.

– Ну хватит, Кира Павловна, – с возмущением оборвала свекровь Евгения Николаевна. – Что значит «одна»? У вас девочки есть, я есть.

– У меня не только ты, Женя, есть, – подняла левую бровь старуха. – У меня еще и Люба есть, и... – Она перевела дух. – А все равно что одна. Вот! – демонстративно покрутила она монетой перед носами собравшихся. – Все мое наследство!

– Отдай мне, бабуль, – слезно попросила бабушку Вера и протянула руку, пребывая практически в полной уверенности, что сердобольная старуха сразу же расстанется с отцовской реликвией. Не тут-то было.

– Это с какой стати? – возмутилась Кира Павловна, потом с секунду подумала и с коварным видом уточнила: – Ты, Верочка, в Бога веришь?

– По-своему, – увернулась от ответа склонная к агностицизму Вера Евгеньевна.

– Вот и верь «по-своему», – порекомендовала ей бабка.

– А при чем тут это? – Вера никак не могла понять ход бабкиных мыслей.

– А при том.

– Не спорь с ней, Верочка, – вступилась за дочь Евгения Николаевна. – Не хочет – не надо. Оставь. Кира Павловна – пожилой человек. Ей с вещами расставаться трудно.

– А это не ее вещь! – не сдавалась Вера.

– А чья же? – ехидно любопытствовала старуха. – Твоя? – Она посмотрела на внуку. – А может, твоя? – Кира Павловна перевела взгляд на сноху.

– Это папина вещь! – подала голос вернувшаяся из магазина младшая внучка Киры Павловны – Ника. – Он сам мне ее показывал.

Вера с ревностью посмотрела на сестру, но ничего не сказала, а только помрачнела лицом. В который раз она убедилась в том, что отношения отца с Никой были иными, чем с ней. И Вере хотелось уяснить для себя, насколько иными. Более искренними? Более доверительными? Какими?

– Вот то-то и оно, что папина! – по-детски обрадовалась бабка. – А папу вашего я родила. Значит, она моя.

– Ваша-ваша, – поспешил успокоить разгневанную старуху Левчик. – А чья же еще? К тому же ничего не сбылось. Три жизни обещано, а ни одной до конца не прожил. Ушел, можно сказать, ни свет ни заря. В этом возрасте мужики еще новые семьи заводят, сыновей рожают...

– Ну, насчет сыновей не знаю, – криво усмехнулась Женя Вильская, – а с новыми семьями у твоего друга, Лева, все в порядке было.

– Кто старое помянет, тому глаз вон, – поторопился сгладить возникшую неловкость Владимир Сергеевич.

– Не обижайся, Женя, – повинился Лев Викентьевич. – Ты же знаешь: я на твоей стороне. Я всегда против разводов. Я и Женьке твоему говорил...

– Кого ее Женька слушал! – поторопилась вставить свое слово Кира Павловна.

– Леву слушал. – Вовчику стало обидно за однофамильца.

В их дружной школьной компании Левчик Рева безоговорочно считался любомудром. Не случайно Женька Вильский с ироничной почтительностью именовал друга «Соломон», хотя если кого в их кругу и можно было назвать в полном смысле слова человеком большого ума, так это самого Вильского. Но Женька таких определений всегда избегал, к себе относился с большой долей иронии и, наверное, поэтому предпочитал называть себя «рыжим раздолбаем», «советским бойскаутом» и «национально непроясненным субъектом Российской Федерации».

– Если бы он меня слушал, – погрустнел Лев Викентьевич и подобострастно посмотрел на Евгению Николаевну, – то сейчас бы был жив. Правда, Женечка?

Первая жена Вильского с готовностью закачала головой в знак согласия и с чувством удовлетворения откинулась на спинку кожаного дивана бывшего мужа, выдохнув так шумно, что все, кто был в комнате, как по команде уставились на нее.

– Это было начало конца, – с пафосом произнесла Евгения Николаевна и показала Нике на место рядом с собой.

– Много вы знаете, – обиделась за сына Кира Павловна и тут же привела неоспоримое доказательство: – Мой сын был честным человеком. Принципиальным. Не то что ты, Лева! С чемоданом из одного подъезда в другой ходил на моей памяти, дай бог, раз пять. Как твоя Нина это терпела, неизвестно.

– Моя Нина, – не остался в долгу Левчик, – женщина мудрая.

– Не то что я? Да, Лева? Это ты имел в виду? – шумно задышала Евгения Николаевна, заподозрив в словах Ревы подвох. И Вера обеспокоенно посмотрела на мать: утреннее давление было у нее под двести.

– Ну что ты, Женечка, – бросился урегулировать назревающий скандал миролюбивый Вовчик. – Ты тут совсем ни при чем! Да и какое это теперь имеет значение.

– А что теперь имеет значение? – никак не могла успокоиться Евгения Николаевна.

– А то, – набросилась на мать Вера. – Папы больше нет. Завтра похороны. И вместо того чтобы просто посидеть и помолчать рядом, ты начинаешь сводить с покойником счеты. Ну, так случилось! Сколько можно это вспоминать?!

– Не ожидала я этого от тебя, Вера, – обиделась Евгения Николаевна и закусила почти и так исчезнувшую с лица верхнюю губу.

– Я от тебя тоже, – буркнула старшая дочь и перехватила внимательный взгляд прильнувшей к материнскому плечу Ники. Похоже, ту обуревали сомнения. С одной стороны, тридцатисемилетняя женщина целиком и полностью разделяла возмущение сестры. С другой – жалела, как она считала, обиженную жизнью мать.

– Хватит, Вера, – попросила она сестру и показала глазами на Евгению Николаевну. – Все и так всем ясно. Давайте просто помолчим, посмотрим на папу. Вон он какой лежит: красивый, словно улыбается... Видишь?

– Вижу, – коротко ответила Вера и посмотрела на отцовское лицо, а вместе с ней – и все присутствующие.

– Охо-хо-хо, – заголосила встрепенувшаяся Кира Павловна, словно вспомнила, по какому поводу собрались здесь, у деревянного ящика.

– Да уж... – заплакал Вовчик и снова начал рыться в карманах в поисках исчезнувшего в очередной раз носового платка.

– Пойду насчет автобуса позвоню, – с выражением особой значимости произнес Лев Викентьевич и посмотрел на старшую дочь Вильского. Без сомнения, с каждой минутой она казалась старому ловеласу все более и более соблазнительной. – Можно тебя на минуточку?

– Нет, Лева, – ответила за внучку Кира Павловна, рыдания которой прекратились в одно мгновение. – Пусть Верочка здесь посидит, с Женей.

Вера пропустила замечание бабки мимо ушей и вышла из комнаты вслед за Левчиком.

– Вся в отца, – недовольно проворчала Кира Павловна и подозвала к себе Нику. – Если я умру, – заговорщицки прошептала она младшей внучке, – мое кольцо с рубином твое.

Желания стать обладательницей купеческого кольца с безвкусно выпирающим красным камнем у Ники и близко не было, поэтому она сразу же внесла в бабкино завещание коррективы:

– Ты мне лучше, бабуль, самовар свой отдай. Серебряный.

– Он не серебряный, – выдала тайну Евгения Николаевна, оставшаяся на диване в гордом одиночестве.

– Зато польский. – Кира Павловна вступила в бой за репутацию самовара.

– Отдай мне его, бабулечка, – со слезой в голосе заканючила Ника, как две капли воды, в отличие от старшей сестры, похожая на мать. – Папе было бы приятно. Он же не жадный был.

– Скажешь тоже, не жадный! – подала голос Евгения Николаевна.

– Конечно, не жадный! – отмахнулась от матери Ника.

– Много ты знаешь! – усмехнулась Евгения Николаевна. – Для кого-то, может, и не жадный, а для вас с Верой...

– Мама! – шикнула на нее из коридора старшая дочь и снова повернулась к Льву Викентьевичу.

– Эх, Женька, Женька, – тяжело вздохнул Вовчик и с бабьим любопытством отогнул покрывало, чтобы посмотреть на руки покойного. – Связаны, – сообщил

он Нике. – Перед тем как гроб забивать будут, развяжи, Вероничка, не забудь. И ноги тоже.

Ника послушно кивнула головой и, перегнувшись через узкую часть гроба к «дяде Вове», прошептала:

– Я боюсь покойников.

– Какой же он покойник? – моментально отреагировала Кира Павловна, часто изображавшая из себя туговатую на ухо, когда это было выгодно. – Он твой отец.

– Бабуль, ты чего?! – вытаращилась на нее Ника.

– А чего?

– Да ничего! – рассердилась на бабушку Вероника и перебралась на другую сторону: поближе к Владимиру Сергеевичу. – Я боюсь, – снова прошептала она и с надеждой посмотрела в глаза отцовскому другу.

– А ты не бойся, – чуть слышно ответил Вовчик. – Ты, пока никто не видит, покрывало с ног откинь и за ботинки Женькины подержись. И страшно не будет.

– А откуда вы знаете? – с нескрываемым любопытством поинтересовалась Ника.

– Да уж знаю, – горько усмехнулся Владимир Сергеевич, но больше ничего рассказывать не стал, а просто притянул полную Веронику к себе и ободряюще похлопал ее по упругому женскому плечу.

– А еще говорят, предсказания сбываются, – разочарованно поделилась с дядей Вовой Ника. – «Три жизни! Три жизни!» – передразнила она незримо присутствующую в воспоминаниях рассказчиков цыганку. – Все – вранье: от начала до конца... Не верю я им!

– А я верю! – взволнованно выкрикнула с дивана Евгения Николаевна и даже попыталась встать, но тут же плюхнулась обратно под тяжестью собственного веса. – И цыганкам верю, и в сглаз верю, и в судьбу верю. А все, что она ему нагадала тогда, – это правда. Мне Женя сам рассказывал.

– А почему же ты никогда не говорила об этом? – воскликнула Ника.

– А зачем?! Это никого, кроме нас с твоим отцом, не касается.

– Ну и что там за три жизни было? – стала пытаться мать Вероника.

– Да никаких там трех жизней не было! – жестко прокомментировала из коридора Вера. – Что ты, маму не знаешь?!

– Зато наша с ним жизнь как на ладони была описана: и как начиналась, и как закончилась...

– Так ты знала, что он тебя бросит? – изумилась Ника и уставилась на мать, будто увидела впервые.

– Нет, не знала, – отказалась от мифотворчества Евгения Николаевна. – И он не знал. Мы с Женей думали, что его «три жизни» – это я и вас двое. Он ведь мне всегда говорил: «У нас, Желтая, с тобой одна жизнь на двоих. И две – девкам». Он вас всегда «девками» называл, словно стеснялся быть ласковым. «Девки» и «девки». Я ему сначала замечания делала: мол, нехорошо, Женя, нельзя так девочек называть, – а потом привыкла. Думаю: «Как хочет».

– Папа всегда делал что хотел, – тут же подхватила Вероника и впервые за столько лет поинтересовалась у матери: – А почему он тебя все время Желтой называл?

– Чтоб не путаться, – пояснила Евгения Николаевна. – Я – Женя, он – Женя. Вот и решили: раз он Рыжий, я – Желтая.

– Никогда бы не согласилась, чтобы меня так муж звал! Как ты вообще терпела?! – возмутилась Ника.

– А что такого? Мне нравилось. Желтая и Желтая. И потом, я ему все тогда прощала, потому что у нас с ним такая любовь была! Такая любовь! Страшно становилось. От собственной матери скрывала, чтобы не сглазила. И все в один день кончилось, как цыганка и сказала.

– Да что же такое она ему сказала, мама? – не выдержала обычно спокойная Вера и встала в дверях.

– Точно не помню, – с готовностью отозвалась на вопрос дочери Евгения Николаевна, – но, по-моему, что-то вроде: «Сделал дело – гуляй смело».

– Чего? – в унисон выдохнули сестры.

– Ну, не помню я! – заюлила Евгения Николаевна. – Женя еще смеялся: «Родине долг отдал, дерево посадил, сына родил». «Какого сына?» – говорю я. А он: «Две девки – в аккурат за сына сойдут».

– Мам, ты что, серьезно?

– Конечно, серьезно.

– А в чем предсказание-то? – отказалась принять материнский рассказ на веру Ника. – Что это за «Сделал дело – гуляй смело»?

– Ну что ты пристаешь ко мне, Ника? – осерчала Евгения Николаевна. – Откуда я знаю?

– Так ты же сама сказала: «Жизнь как на ладони была описана: как начиналась, как закончилась. Одним днем», – напомнила матери Вера.

– Я от своих слов не отказываюсь, – веско, точно в суде, проговорила Евгения Николаевна. – Именно одним днем. Утром встала – вечером умерла. Никогда не забуду...

История вторая: «Баба надвое ворожила: либо умрет, либо будет жива»

Если бы Женечке Швейцер сказали, что она выйдет замуж за своего почти полного тезку, что будет он инженер, а не моряк и не летчик, к тому же невысокого роста, рыжий и дерзкий на язык, Женечка бы, конечно, не поверила.

А если бы ее еще предупредили, что проживет она с этим невысоким «не моряком, не летчиком» чуть больше двадцати лет, родит ему двух дочерей и окажется самым бессовестным образом обманутой, тогда бы Женечка Швейцер вняла словам своей дальновидной мамочки и написала бы письмо в славный город Севастополь, где нес службу беззаветно влюбленный в нее со школы Мишка Веденский.

– Ну и что я должна ему написать, по-твоему? – кричала на мать пышечка Женя и растирала по покрасневшемуся лицу слезы.

– А что ты плачешь? Что ты плачешь-то, бестолковая? – наскокивала петухом на дочь Тамара Прокофьевна, и в ушах ее раскачивались длинные, до середины шеи, опаловые серьги – предмет зависти буфетчицы Нюски Стариковой, чьи интриги, по твердому убеждению великолепной Тамары, поджидали ее на каждом углу.

– Потому что ты меня довела! – срывалась на визг Женечка.

– Что-о-о? – не верила своим ушам Тамара Прокофьевна. – Я довела? Это чем это, интересно, я тебя довела?

– А тем, что заставляешь Мишке писать!

– Конечно, – неожиданно успокаивалась Тамара Прокофьевна. – Потому что я вижу далеко наперед.

– И что ты видишь? – взмахивала руками непокорная дочь.

– Он перспективный, с квартирой, со временем, глядишь, адмиралом будет. Опять же – живет у моря. Город закрытый, военторг богатый: спецснабжение. Я уж и не говорю об обычных прелестях курортной жизни: пляж, солнце, фрукты.

– Какие фрукты, мама?! Кому нужны в этой дыре твои фрукты, пляж и солнце?

– Это Севастополь у тебя – дыра?! – ахала Тамара Прокофьевна. – Город-герой, слава и мощь Советского Союза! А Верейск – это, значит, не дыра?! Две деревни

в одну большую срослись, городом стали – это не дыра, конечно! – торжествующе встряхнула головой Тамара Швейцер и жестко, словно клещами, схватила дочь за руку. – Послушай меня, дурочка. Зачем тебе этот инженеришка? Рыжий! Страшный! Никаких перспектив: ни жилья, ни зарплаты. Как ты жить будешь?

– Обыкновенно! – стояла на своем не боявшаяся трудностей Женечка Швейцер. – Ты что? За папу ради жилья выходила? Ради каких-то особых перспектив?

– Твой папа, – надменно поджала узкие темные губы Тамара Прокофьевна, – хотя бы в молодости был красавцем. Кудрявый. Чуб надо лбом... И в руках у него была профессия.

– У Жени тоже есть профессия. Он талантливый инженер.

– Ну, скажем так, пока он еще никакой не инженер.

– Зато у него уже есть изобретения.

– Изобретения на хлеб не намажешь, – цинично отсекала дочкины аргументы Тамара Прокофьевна, а потом резко меняла тактику и слезно молила дочь: – Ну я тебя прошу! Я тебя прошу, Женя, ради нас с папой, напиши Мише, скажи ему, что пока не определилась, что хочешь окончить институт, получить профессию, а уж потом только – замуж. Не говори ему ничего про своего, – мать морщилась, – жениха. Мало ли, как пойдет: может, год поживете и разбежитесь.

Женечка отшатнулась от Тамары Прокофьевны.

– Ну я тебя прошу! – быстро смекнула та, что допустила стратегическую ошибку, и опустилась перед дочерью на колени. – Видишь? Я на колени встала. Прошу тебя. Напиши Веденскому, успокой парня. Хорошо?

– Хорошо, – уступила Тамаре Прокофьевне Женечка и тем же вечером отбила севастопольскому Мишке телеграмму: «Выхожу замуж. Свадьба сентябре. Приезжай обязательно. Твоя Женя».

Надо ли говорить, что ни на какую свадьбу лейтенант Веденский не явился, сочтя себя незаслуженно обманутым. Но буквально спустя год написал Женечке, теперь уже Вильской, обстоятельное и доброжелательное письмо, в котором рассказал о чувствах, что обуревали его первые полгода ее замужества. «Но, – искренне делился он событиями своей жизни, – может, оно, Женька, и к лучшему. Не выйди ты замуж за своего Вильского, я бы просмотрел любовь всей своей жизни (Мишка был человеком сентиментальным и никогда не скупился на пафосные выражения). А теперь – мы вроде как с тобой квиты: ты замужем, я женат. И скоро готовлюсь стать отцом».

«А я – матерью», – сообщила ему Женечка и больше не написала ни слова, неожиданно почувствовав себя преданной. Хотя никаких прав на Веденского она не имела, никаким договором связана не была, но мысль о том, что Мишка теперь любит другую, а клялся, что всегда будет любить только ее, была ей неприятна.

– Представляешь, Веденский женился, – поделилась она с Тамарой Прокофьевной, придав своему лицу как можно более равнодушное выражение.

– Я знаю, – кивнула мать и критично посмотрела на большой Женечкин живот. – Ты очень поправилась. Чем тебя там у этих Вильских кормят? Твоя свекровь готовит на маргарине?

– Кира Павловна никогда не готовит на маргарине, – вступилась за свекровь Женечка, понимая, что сейчас мать будет изыскивать любую возможность, чтобы подчеркнуть несовершенство ее брака с Вильским. – Они питаются только с рынка.

– А в какое время Кира Павловна ходит на рынок? – скривилась Тамара Прокофьевна. – К обеду? Когда все за бесценок, потому что бросовое?

– Кира Павловна, – надменно произнесла Женечка, – на рынок вообще не ходит.

– Что? Не барское это дело? – снова попыталась уязвить Женину свекровь высокомерная Тамара Швейцер.

– Почему? – пожала плечами Женечка. – Просто для этого есть домработница.

Пережить «домработницу» Тамаре Прокофьевне оказалось не по силам, и она выдала себя с головой:

– Домработница? У этой полуграмотной бабы?! С тремя классами образования?! Полжизни провисевшей грудью на подоконнике вместо того, чтобы заниматься делом?

– А откуда ты это знаешь? – холодно полюбопытствовала Женя.

– Знаю, – отрезала Тамара Прокофьевна, и перед ее глазами встало лицо Прасковьи Устюговой – ближайшей соседки и по совместительству ближайшей подруги Киры Павловны. «Бездельница! – нашептывала та новоиспеченной родственнице Вильских. – Живет как у Христа за пазухой и в ус не дуется. Весь день на окне висит, за всем смотрит, словно барыня со всех ответ требует». Соседка была пьяна, а Тамара Прокофьевна не в меру подозрительна. Ей, заприметившей, как светлело лицо дочери, когда к ней обращалась свекровь, было обидно: ревность накатывала горячими волнами, и очень хотелось, чтобы Кира Павловна Вильская оказалась дурой, сволочью, нечистой на руку. И все для того, чтобы ее драгоценная Женечка смогла по достоинству оценить те условия жизни, которые были созданы для нее любящими родителями. А она им даже спасибо за столом не сказала, как будто сама по себе на свет появилась, сама школу окончила, в институт поступила, сама квартиру несколько лет снимала, чтобы в общежитии не жить. А ведь могла бы!

Но Женечка была счастлива, а счастливые люди – глупые люди, просто Тамара Прокофьевна об этом забыла. И все ждала от дочери какой-то особой благодарности, а та вилась вокруг своего рыжего и в их сторону даже не смотрела, все больше к его родителям ластилась.

– Мама, – прервала поток воспоминаний Тамары Прокофьевны Женя, – почему ты ее так ненавидишь? Что она тебе сделала? Кира Павловна – хорошая женщина.

– Ну еще бы! – в который раз усмехнулась Тамара Швейцер. – С домработницей да и нехорошая?! Разве так бывает?!

– Далась тебе эта домработница, – потупилась Женечка, понимая, что сама спровоцировала подобную реакцию: уж такой Тамара Прокофьевна была человек, не терпела, если кто-то ее хоть в чем-то превосходил. Во всем хотела

быть первой: характер такой. А тут – удар под дых. Да еще какой!

На самом деле никакой домработницы в семье Вильских сроду не было, а на рынок ходила Анисья Дмитриевна – Женина бабушка, маленькая, тихая, богобоязненная старушка, со спины напоминавшая девочку-подростка, остриженного в полукруглую скобочку. «Сзади – пионерка, спереди – пенсионерка», – беззлобно подшучивала над ней ее дочь Кира и тут же нарывалась на строгое замечание мужа – главного инженера приборостроительного завода города Верейска.

– Ну что вы, что вы, – смущалась Анисья Дмитриевна и почтительно, шепотом добавляла: – Николай Андреевич, – и тут же норовила уйти к себе «на пост». Так в семье Вильских называли маленькую кухню, размер которой недостатком не считался, потому что была она с газовой плитой, колонкой и даже узким окном, выходящим в шумный, застроенный уродливыми сараями и металлическими гаражами двор.

Во дворе Вильских за глаза называли «баре», но в этом прозвище сквозила не столько зависть, хотя и ее хватало, сколько реальное уважение простого люда к тем, кто, по их мнению, высоко поднялся, но при этом не потерял своего человеческого лица. И Николай Андреевич, и его немногословная тихая теща, и даже младший Вильский не просто здоровались с соседями, но и обязательно произносили при этом имя-отчество визави, а также вежливое «как поживаете?». Особенно смущал рыжий Женька, по бабушкиному примеру встречавший соседей словами «Бог в помощь», и это в том возрасте, когда среднестатистический ребенок не выговаривает половину алфавита.

Кира Павловна была другой, не такой, как ее ближайшие родственники. Поэтому и дело с ней обстояло несколько иначе. Жену Николая Андреевича Вильского во дворе любили, но любили по-особому, потому что она была «своя», со всеми на «ты», то есть без этой интеллигентской закваски, которая была присуща ее матери, приехавшей в Верейск из деревни на заработки. Здесь, в городе, Анисья Дмитриевна скоренько вышла замуж за бездетного вдовца Павла Никитина, потомка разорившихся купцов, высланных на излете 1922 года на Колыму. На момент встречи с будущей женой отрекшемуся от родителей Павлу Спиридоновичу было обещано место в родном когда-то, а теперь городском лабазе, по привычке называемом верейскими старожилами «Никитинским».

Испытывала ли молодая Анисья к будущему мужу особое влечение, неизвестно. Ни о чем подобном она никогда с дочерью не говорила. Но замуж за вдовца пошла с радостью, не принимая во внимание блудливый нрав Павла Спиридоновича и склонность к различного рода коммерческим авантюрам, о которых она узнала довольно скоро, как только супруг заступил на обещанное торговое место, откуда периодически притаскивал то тщательно упакованный в местную газету пакет муки, то шмат масла.

– Не надо, Паня, – просила Анисья вороватого супруга. – Посадят тебя. Разве ж мы и без этого не проживем?

– Проживем! – легко соглашался веселый Никитин и продолжал подтаскивать больше из-за спортивного азарта, нежели от нужды. Одним словом, единственное дитя, рожденное Павлом в браке с Анисьей, рисковало с высокой вероятностью остаться сиротой при живом отце. Так, собственно говоря, и случилось: Павел Спиридонович Никитин, удачно выдав Киру замуж за молодого, но уже при серьезной должности инженера Вильского, благополучно сгинул через пару лет в «местах не столь отдаленных».

И Кира Павловна, и Николай Андреевич со слов Анисьи Дмитриевны знали подлинную причину исчезновения «деда Пани» (только так его в семье Вильских и называли): он пробыл в плену с декабря 1941 по июль 1942 года, чудом выжил, прошел через штрафбат. «Искупил кровью!» – любила говаривать быстро воспламеняющаяся от собственных слов Кира, поминая пропавшего отца, и категорически отказывалась считать его преступником.

По настоянию тихой Анисьи Дмитриевны и политически грамотного Вильского разговоры эти не приветствовались, а посему Кирочка вела их исключительно в кругу доверенных лиц, в число которых входила добрая дюжина соседок, божившихся держать язык за зубами. Кстати, вначале именно они распространили еще одну, не политическую, а криминальную версию исчезновения «деда Пани», которая имела широкое хождение в массах, потому что была проста и понятна: заведующий комиссионным магазином оказался нечист на руку, как и многие его коллеги, почувствовавшие силу в трудное послевоенное время.

Кира Павловна объявила было войну клевете, но очень скоро устала считать каждую вторую соседку злоязычницей и пустила в ход другую, как она считала, правдивую версию.

На самом деле послужной список «деда Пани» совмещал в себе оба эпизода, поэтому по молчаливому согласию тещи с зятем надлежало добрыми делами отвлекать внимание от позорной страницы в истории семьи Вильских.

– Никакого в этом позора нет! – насканивала на мужа Кира Павловна и трясла перед его носом аккуратненьким кулачком. Только до носа она ему и доставала, потому что роста была маленького, крутила на своих рыжеватых волосах перманент и чернила брови так, что на ее светлом лице они выглядели точно подвешенные в воздухе коромысла.

– А я и не говорю, Кира, что это позор, – устало объяснял жене Николай Андреевич. – Но для общего блага лучше об этом молчать. Все-таки у нас сын.

– И что? – лезла на рожон Кира Вильская. – Ему-то какая разница!

– Ты не понимаешь, – терпеливо внушал Николай Андреевич. – Это может повлиять на его политическую карьеру.

– Чего?! – ахала Кира Павловна.

– Кирочка, доченька, – слезно молила Анисья Дмитриевна строптивую дочь. – Пожалей Женечку.

– А чего его жалеть-то? – никак не хотела понять Кира Вильская. – Ему что, за деда ответ держать? У нас, между прочим, в стране сын даже за отца не ответчик.

– Еще какой ответчик! – напоминала Кире Павловне тихая Анисья Дмитриевна и часами молилась, чтобы удалось вразумить глупую дочь.

– Опять молишься?! – сердилась Кира на мать и требовала, чтобы та все иконы «заперла» в темной комнате, а на робкое: «Может, все-таки Женечку окрестить?» – взрывалась как петарда и целый день с пеной у рта доказывала, что в семье коммунистов не может быть ни икон, ни свечей, ни черта, ни бога. При этом сама Кира Павловна в партии не состояла и вступать туда не собиралась, потому что сама мысль об уплате членских взносов была ей опричь души. «Хватит нам и одного несун!» – кивала она на мужа-партийца,

мысленно подсчитывала ежемесячные взносы и ворчала себе под нос, что она, в отличие от всяких дураков, «сама себе отдельная партия».

Быть главой «отдельной партии» Кире Павловне было довольно легко, потому что «на посылках» у нее добровольно состоял весь «двор»: Анисья Дмитриевна, Николай Андреевич, Женька, а теперь еще и Женечка Швейцер, о которой знаменитая соседка-завистница распространяла сплетни до тех пор, пока сам Вильский не пресек гнусные происки и не отказал от дома той, которая долгое время играла роль ближайшей подруги его жены.

– Я привлеку вас за клевету, – пригрозил всегда выдержанный Николай Андреевич Прасковье Устюговой, зашедшей по-соседски за спичками.

Прасковья, привыкшая видеть старшего Вильского спокойным и доброжелательным, обомлела и не нашла ничего лучше, как сообщить о том, что она в долгу не останется и встречно привлечет за клевету саму Киру Павловну и плевать ей, что эта «барыня – жена самого главного инженера»:

– Мне, Николай Андреич, до парткома идти недалече. Я тоже, между прочим, член партии и знаю, как за себя постоять!

– А что же вам Кира Павловна сделала? – искренне удивился Вильский, зная свою жену как человека в дружбе верного, отзывчивого и в принципе не склонного к пересудам.

– А не надо было мою Марусю хаять! – взвилась Прасковья и зачастила как из пулемета: – Девчонка себя в строгости держала, все ждала, как обещано: «Маша – Женя». По сторонам не смотрела, все сыночка вашего ждала, глазыньки проглядела, пока он из своего Ленинграда вернется. Дождалась! – зло выкрикнула соседка. – А вместо свадьбы: «Здрасте, Маруся, на лярве женюся» (Николай Андреевич поморщился). Да еще и хаять девку надумали: слепая, значит, не подходит она им. Очки им не нравятся! Зато работающая, скромная, ляжки не оголяет, как ваша-то! Стыда нет: вся жопа открыта...

– Это у кого, Паша, «вся жопа открыта»? – заглянула в комнату ни о чем не подозревающая Кира Павловна, не на шутку встревоженная тем, что вместо обычной тишины, сопровождающей послеобеденное время в семье Вильских, до нее доносится истошный визг соседки. – Это ты чего тут?

– Выйдите, пожалуйста, Кира Павловна, – с несвойственной для себя командной интонацией потребовал от жены Николай Андреевич, пытаясь уберечь супругу от отвратительного скандала.

– Это еще почему? – пока миролюбиво поинтересовалась Кира Павловна, но уже было ясно, что никуда она из своего дома не пойдет и вообще у мужа от жены секретов не бывает.

– А потому, что я сначала с твоим мужем разберусь, – взревела Прасковья, – а потом – и с тобой.

– Со мной? – оторопела Кира Павловна и уставилась круглыми от удивления глазами на всегда ласковую к ним соседку, которой она поверяла многие тайны, правда, всегда с поправкой на то, чтобы являлись они миру в выгодном свете.

– С тобой! – подтвердила Прасковья и пошла на Киру, выпятив грудь.

– А ну прекратить! – прикрикнул на женщин Николай Андреевич и вытер вспотевший от перенапряжения лоб. – Прекратить немедленно. Ничего не хочу слушать, Прасковья Ивановна! Не смей переступать порог моего дома! За каждое клеветническое слово, сказанное о моей семье и будущей невестке, ответите по закону вплоть до увольнения с предприятия, – оговорился он от волнения.

– Это откуда ты меня, Николай Андреич, уволишь? С кухни? Я, между прочим, эту квартиру не просто так получила, а за покойного Васеньку, царство ему небесное. Я до самого Хрущева дойду! – пригрозила соседу Прасковья, тем не менее в ее глазах забегали какие-то тревожные огоньки. – Мне бояться нечего! – подбодрила она себя, словно перед атакой, и резко развернулась лицом к Кире Павловне. – Я ведь как, Кира, думала: столько лет дружили, дверей не закрывали, дети вместе росли. В школу – вместе, из школы – вместе. Все праздники вместе. Сколько раз ты мне говорила: «Вот бы Маруся моей невесткой стала». А я дура! Девку настроила: по сторонам не гляди, себя блюди, вернется Женя, свадьбу сыграем. Я уж и приданое ей собрала: все чин по чину, живи-радуйся. А вы вон что! Наобещали с три короба – и в кусты, а как дочь моя людям в глаза смотреть будет? Жених бросил? Не подошла?

– Ты это, Паш, чего несешь-то? – пока еще спокойно уточнила Кира Павловна. – Это про какой, значит, договор ты Николаю Андреевичу рассказываешь? Это когда у нас с тобой такой договор был? А? Чего-то я не припоминаю, соседка. Или это я запомняла?

– Да тебе плюй в глаза, а все божья роса!

– Ты, Паша, плевать-то погоди. Это ты зачем на меня да на Женьку моего напраслину возводишь? Это когда он на твоей Машке жениться обещал? Говори! А то я сейчас к Марии твоей пойду да сама спрошу: «Зачем парня позоришь? Зачем виноватишь?» Нехорошо, Паша, не по-соседски. Надо было бы, дети бы и без нас сговорились. А то, что ты Женьку в женихи назначила, так это – твоя воля. Твоя! Но не его! И не наша! – отчеканила Кира Павловна, глядя в бегающие соседкины глаза. – И Марусю я твою не хаяла. Она мне как дочь. Я, если и сказала что, так не со зла. Только вот что – и представить не могу.

– А я напомню, – прошипела Прасковья. – Давеча с Люськой со второго подъезда сидела во дворе?

– И что? – вздернула подбородок Кира Павловна.

– И то! «Такая молодая, а уже в очках», – очень похоже передразнила Устюгова соседку. – Говорила?

– Говорила, – спокойно подтвердила Кира Павловна. – И что?

– Да то! Не твое это, Кира, дело, какая моя дочь! Косая! Кривая! Слепая! Горбатая! Не для того я ее растила, чтобы каждая мне тут указывала. За своим лучше присматривай: рыжий и курит.

– Ну и что, что курит?! – в один голос воскликнули супруги Вильские, а Кира Павловна надменно добавила: – Я, может, тоже курю. Кому какое дело?

Николай Андреевич, всегда выступавший за здоровый образ жизни, от слов жены чуть не поперхнулся, но вовремя сориентировался и, подмигнув Кире Павловне, поинтересовался:

– Тебе что, Кира, заказывать? «Герцеговину»?

– А что будет, Николай Андреевич, то и заказывайте, – игриво пропела Кира Павловна и встряхнула своими светло-рыжими кудельками. – Пойду маме скажу, пусть пироги ставит: вечером дети придут.

– Да подавитесь вы своими пирогами! – выпалила Прасковья и, оттолкнув хозяйку, пулей вылетела из квартиры Вильских.

– Что это с Пашенькой-то случилось? – подала слабый голос со своего «поста» напуганная звуком хлопнувшей двери Анисья Дмитриевна. – Никак нездоровится?

– Да на ней воду возить можно! – помрачнела Кира Павловна и пошла к себе в спальню в одиночестве переживать разрыв с закадычной подругой.

– Как ты, Кира? – заглянул перед возвращением с обеда Николай Андреевич.

– Плохо, Коля, – пожаловалась Кира Павловна и всхлипнула: – Ни с того ни с сего. На пустом месте. Раз-раз – и по мордасам. Была подруга – и нету. Как будто двадцать лет не срок! И ведь, главное, ни слова мне не говорила. Все за спиной. Все за спиной.

Вильский промолчал, а потом вздохнул и признался:

– Это я, Кира, виноват. Не выдержал: очень мне нашу Женечку стало жалко. Хорошая девочка, в чужом городе, ни слухом ни духом, а тут – на, пожалуйста.

– Это ты про что, Коля? – не поняла Кира Павловна.

– Не хотел говорить тебе, Кира. Думал, сам справлюсь. На днях Петр из ремонтного подошел.

– Это который? Который к Прасковье нашей заходит?

– Он самый. Так вот: подошел и спрашивает меня так, осторожно: «Ты, Николай Андреич, меня извини, а только я тебе сказать должен. Не на той девке твой сын

женится. На ней клейма ставить негде. Даром что молодая. Смотри, погубит твоего мальчонку, моргнуть не успеешь». А дальше такое мне рассказал, вспоминать противно. Я его к ответу: откуда? Кто? Ну вот он и признался, что Прасковья ему напела. Да еще и добавил: «Это, говорит, ты у любой бабы у себя во дворе спроси, они скажут». Неприятно, Кира. Знаю, что все неправда, а все равно Женечку защитить хочется. Думал, сам разберусь, поговорю, а ее вон как понесло – не удержишь. Так что извини меня, Кира.

Кира Павловна открыла рот, чтобы что-то сказать, а потом молча встала, прошла, как пьяная, мимо мужа и напрямик в соседнюю квартиру – к Устюговым.

Дверь, как обычно, была не заперта: заходи как к себе домой. На звук открывшейся двери вышла сама Прасковья с опухшим от слез лицом.

– Маруся дома? – сухо спросила Кира Павловна у соседки.

– Нет, – покачала головой Прасковья. – А что? Меня стыдить перед дочерью пришла?

– Бог тебе судья, Паша, – не глядя в глаза Устюговой, обронила атеистка Вильская, – а только не ожидала я от тебя такого.

– Какого? – подбоченилась соседка.

– Сама знаешь какого, – ушла от ответа Кира Павловна.

– Ничего не знаю! – отказалась признать вину Прасковья и скрестила руки на груди.

– Вот и хорошо, – быстро согласилась с ней соседка и лукаво прищурилась. – Дети сами разберутся. Мы поговорим с Женей, пусть объясняется с твоей дочерью, чтобы не было никаких, – тут она сделала паузу, вспомнила слово и не без усилий проговорила: – двусмысленностей.

От витиеватых выражений обычно всегда простой в речи подруги Прасковья Устюгова разинула рот, а довольная произведенным эффектом Кира Павловна выплыла из квартиры в атмосфере гробового молчания.

– Ну и ладно, – запоздало крикнула ей вслед Прасковья и задумалась: дело явно принимало не тот оборот. И с соседями разлаялась, и своего не добила. Устюгова на минуту представила, как замрет перед этим рыжим ни о чем не подозревающая Маруся: свернет худенькие плечики, опустит глаза, залется краской. И будет молчать. Рыжий станет допытываться, а она все равно будет молчать и ни слова не скажет о том, что сама Прасковья без спросу, тайком прочитала в личном дневнике своей дочери: «Наверное, это любовь».

«Вот черт меня за язык дернул самому Вильскому перечить», – пригорюнилась Устюгова. При этом она, однако, не испытывала никаких угрызений совести по поводу того, что бессовестным образом оговорила Женечку Швейцер, веселую и доброжелательную певунью, с которой, кстати, ее Маруся была знакома по студенческим капустникам машиностроительного факультета, где выступал вокально-инструментальный ансамбль «Эврика».

«А нечего было у моей жениха из-под носа уводить, табуретка коротконогая! – снова завелась Прасковья, вступив в предполагаемый «диалог» с Женечкой Швейцер. – На чужой каравай рот не разевай!» – мысленно отчитывала она ненавистную соперницу дочери и все больше и больше убеждалась в собственной правоте: уж очень жалко было ускользнувшей из-под носа возможности породниться с самими Вильскими. Все-таки не последние люди на заводе: как-никак – главный инженер! Не слесарь!

Корыстная и завистливая Прасковья Устюгова в глубине души подозревала, что внешняя простота квартиры Вильских – это отвлекающий маневр. На самом же деле – мифические закрома соседей ломились от несметных богатств, просто по наущению хитрой Киры Павловны эти сокровища держались в строгом секрете, чтобы простой люд в искушение не вводить. Уж в чем в чем, а в этом Прасковья была уверена.

Если бы простодушная лишь на первый взгляд Кира Павловна знала, какие черти терзали душу ее близкой подруги, она бы, не задумываясь, распахнула все шкафы и провела соседке экскурсию, чтобы та убедилась: ничего у них с Вильским в доме особенного нет.

– А хрусталь? – могла спросить ее Прасковья Устюгова.

– Так это ж все подарки, – ответила бы ей Кира Вильская и даже рассказала, по какому случаю получен каждый презент.

Конечно, Прасковья не поверила бы хитрой подруге, но и переживаний стало бы на порядок меньше, потому что на поверку сама Устюгова жила не в пример богаче своих высокопоставленных соседей. А все потому, что рассчитывала сама на себя, а не на доброго дядю. Уж что-что, а дочка ее в обносках никогда не ходила, ни за кем не донашивала: все самое новое, самое лучшее, как велел покойный Васенька, души не чаявший в Машке.

«Вот был бы он жив. – Глаза Прасковьи налились слезами, и она поискала глазами висящий на стене портрет мужа. – Эх, Вася, Вася! – привычно обратилась Прасковья к покойному. – Обошли нас с тобой! Пропадет наша Маруся. Где теперь я жениха ей возьму, чтоб из хорошей семьи да при должности?»

Разумеется, никакой должности у младшего Вильского пока не было, но расчетливая Прасковья была уверена: как это единственного сына главного инженера да без места оставят? Не бывает такого. А раз так, не успеешь глазом моргнуть, а этот рыжий окажется в начальниках.

Мысль о начальстве снова лишила Устюгову покоя: Прасковья заходила из угла в угол, подумала-подумала и решила мириться, несмотря на запрет Николая Андреевича переступать порог его квартиры.

«А ты мне не указ!» – мысленно проговорила соседка и приступила к решительным действиям, пользуясь тем, что хозяина нет дома. Смелость, конечно, города берет, но вопреки сложившейся традиции дверь в квартиру Вильских была заперта. «Вот те на!» – призадумалась Прасковья и на всякий случай подергала за ручку еще раз: так и есть, ни дать ни взять – закрыто.

Скрепя сердце Прасковья протянула руку к звонку, но позвонить не решилась, так и застыв с вытянутым указательным пальцем.

– Неужели закрыто, Пашенька? – раздался голос поднимавшейся по лестнице Анисьи Дмитриевны. – Наверное, захлопнулась, – предположила теща Вильского и, поставив на ступеньку пустой таз из-под белья, начала рыться в кармане фартука.

– Не то замки поменяли? – переступила с ноги на ногу соседка, про себя сразу же решившая, что это все происки коварной Киры Павловны.

– Нет, – честно, как на духу, призналась Анисья Дмитриевна, уже забывшая о ссоре дочери с соседкой.

– А тогда с чего это она захлопнется? У вас же замок обратный, на ключ, – уличила Прасковья во лжи тихую Анисью Дмитриевну, отчего та смутилась, словно ее поймали с поличным.

– Может, Кира закрыла? – предположила она и, прекратив поиски, позвонила в дверь.

– Иду-у-у-у! – донеслось из-за двери, и слышались скорые шаги проворной Киры Павловны.

– Идет, – стараясь сгладить неловкость, сообщила Анисья Дмитриевна соседке.

– Слышу, не глухая, – буркнула та, лихорадочно соображая, не ретироваться ли ей в свою квартиру, пока не поздно.

– Заходи, – объявила матери Кира Павловна, распахнув дверь.

– Мы тут с Пашей, – пискнула Анисья Дмитриевна и проскользнула в квартиру.

Кира Вильская встала в дверном проеме и скрестила на груди руки.

– А вы что хотели, Прасковья Ивановна?

Тут-то Прасковья Ивановна и обомлела. Ох, умеет все-таки жена Николая Андреевича Вильского поставить врага на место! По-разному умеет: где криком, где взглядом, а где и особым обращением. Вот как с Прасковьей, чтоб простой человек дар речи от невозможной вежливости потерял. «Гусь свинье не товарищ!» – возликовала про себя Кира Павловна, увидев реакцию растерянной соседки. Прав был все-таки Николай Андреевич, предпочитавший отвечать на хамство холодной вежливостью, мысленно призналась она,

считавшая себя непогрешимой во всех вопросах человеческого общежития.

– Кира Павловна, – выдавила из себя отлученная от дома соседка. – Мне бы поговорить.

– О чем? – строго и надменно поинтересовалась неприступная Кира.

– Надо. – Четко сформулировать Устюгова не смогла, поэтому буркнула первое, что пришло в голову.

– Я бы хотела знать о чем, – холодно повторила Кира Павловна.

– Че? Так и будешь меня теперь в дверях держать? – попыталась грубовато сократить дистанцию Прасковья.

– Так и буду, Прасковья Ивановна, – защищала свои рубежи жена Вильского, поклявшаяся себе не уступать ни пяди.

– Ну... – протянула Устюгова, – видать, и правда дружбе нашей конец.

– Конец, – подтвердила Кира Павловна, а в груди у нее предательски екнуло.

– Двадцать лет, Кира, – напомнила Прасковья.

– Я помню.

– Вася еще покойный был жив, – продолжала рвать душу Устюгова. – Все говорил: «Умру, Паша, Вильских держись. Не бросят. Ни тебя, ни Маньку». Нет уж, видно. Одним днем, как хвост у кошки. Была, значит, Прасковья Ивановна и нету Прасковьи Ивановны.

Упоминание о безвременно ушедшем фронтовике Устюгове неприятно царапнуло доброе Кирино сердце. Это ему она поклялась оберегать Пашу с Марусей, трясясь в карете «Скорой помощи» в роли мнимой жены, потому что соседку брать не хотели, а Кира Павловна боялась – умрет по дороге, не дожидаясь, пока Прасковья с дочкой из дома отдыха вернутся. А так хоть последние слова передаст.

Как чувствовала: не успели в палату поднять, умер Василий Петрович, охнул – и умер.

«Я свое слово сдержала!» – попыталась успокоить себя Кира Павловна, но решительности в ней стало чуть меньше. Каким-то звериным чутьем почувствовала Прасковья изменение душевного состояния противника и подлила масла в огонь.

– А и гори оно все синим пламенем, – зло расплакалась она и отвернулась. – Не хочешь – как хочешь. Тебе перед богом ответ держать, а я чиста. Вот те крест, – страстно перекрестилась Прасковья, искренне полагая, что не совершает ничего богопротивного.

– Ты чиста-а-а? – вытаращила глаза Кира Павловна, забыв про выбранную стратегию вежливой холодности. – А Женьку моего зачем на всех углах костерила?

– Не костерила! – отказалась взять на себя вину Устюгова. – Не костерила я вашего рыжего, потому как за своего считала и думала, что зятем мне будет.

– А невесту его зачем грязью поливала? Мне ведь Коля все рассказал.

– Был такой грех! – легко согласилась соседка. – Говорила. Но от обиды. Не со зла!

– Не со зла?! – ахнула Кира Павловна. – Девку мне опозорила, а говоришь, не со зла? А если я про твою Марусю плести начну? Я вон про очки сказала, ты мне чуть глаза не выцарапала, потому что дочка, своя, а ты мою всяко-разно по отцу-матери! Бесстыжая ты, Паша.

– Я – мать, – стукнула себя кулаком в грудь Прасковья.

– Я тоже мать! – притопнула ногой покрасневшая Кира Павловна. – И свое дите позорить не дам! Тоже мне новость какая: если ты мать, значит, все можно? Не будет по-твоему.

– И не надо, – вдруг сдалась Прасковья Устюгова. – Побузили – и хватит. Двадцать лет из памяти не сотрешь. Что было, то было. Прости меня, Кира. И ты прости, и Коля. Хочешь, и перед Женькой повинюсь, но перед этой вашей тумбочкой, – скривилась она, – не буду! И не проси. Васенька из гроба встанет, скажет: «Падай, Пашка, в ноги!» – все равно не стану, потому что за свое дите обидно.

– Дура ты, Паша, – хлопнула себя по бедру Кира Павловна. – А я ведь тебя просить хотела, чтоб сватать ехать. Думаю, кто же еще, если не ты. А теперь, видно, все. Нельзя жизнь со зла начинать.

– Так коли точно свадьбе быть, чего же и не поехать? – благодушно сказала Устюгова и сделала шаг навстречу бывшей подруге. – Коли у них любовь, пусть. Погорюем – и бросим. Глядишь, Маруся моя повоет-повоет, успокоится и тоже вдруг замуж выйдет.

– Конечно, выйдет, – заверила ее Кира Павловна и приоткрыла дверь в свою квартиру. – Она у тебя ведь не другим чета.

– Это уж точно, – с гордостью подтвердила Прасковья и вроде как по привычке шагнула на порог. – Твоя правда.

– Хорошую ты девчонку вырастила, – щедро расхваливала соседку Кира Вильская. – Умная, скромная, на пианино играет, уважительная такая девушка...

– Не рукастая она у меня только, – пожаловалась Устюгова. – Не приучена. Да и не разрешала я ей: глазки слабые, а читать надо много и чертить много. Думаю, обойдется. Готовить умеет – и ладно. Если что – я рядом. И свяжу, и заштопаю...

– И правильно, – поддержала ее Кира Павловна, а потом вспомнила, что скоро вернется с работы Николай Андреевич, и спешно предложила: – Пойдем, Паша, к тебе. Заодно посекретничаем, пошепчемся. Я к Устюговым, – прокричала она матери и вытолкнула Прасковью на лестничную клетку. – Я вот чего тебе скажу... – старательно усыпляла она устюговскую подозрительность и одновременно лила елей на душу восстановленной в правах подруги: – Ты, Паша, человек более опытный. Ты мне скажи...

И Прасковья легко вошла в роль умудренной жизнью женщины и легко дала десяток-другой советов, как будто самолично организовала несколько свадеб. Она говорила и про подарки родителям, и про влиятельных гостей, поминая все заводоуправление, потому что, уверяла Прасковья, «без нужных людей свадьба не свадьба, один перевод денег». «И ты не тушуйся: на своего-то надави, надави. Пусть пригласит», – настоятельно рекомендовала она, точно определив, что сам Николай Андреевич весьма далек от конъюнктурных соображений.

Не успев завершить свои рекомендации по нужному составу гостей, Устюгова вспомнила, что свадьба – это не только богатые подарки для молодых, нужные люди, песни и пляски до упаду, но и разгул злых сил.

– Это ты, Кира, дальше своего носа ничего не видишь, а грамотные люди, знаешь, чего рассказывают? – передернула она плечами и впиалась глазами в лицо далекой от суеверий соседки, словно проверяя, страшно той или нет.

А страшно Кире Павловне не было: для нее свадьба – это всего лишь многолюдный праздник. «Главное, чтобы драки не было», – озаботилась Вильская и тут же от души рассмеялась. Какая, мол, драка?! Все люди приличные, воспитанные...

– А ты что? Этих-то тоже знаешь, какие они? – любопытствовала въедливая Устюгова, видимо, имея в виду родственников со стороны невесты.

– А зачем? – пожала плечами Кира. – Я же вижу, какая Женечка. Да и потом она мне рассказывала: мать у нее – главный бухгалтер ресторана, отец – главный бухгалтер строительства.

– Оба бухгалтера??! – изумилась Прасковья. – Денежки, значит, водятся. На то они и Швейцары.

– Швейцары, – поправила Устюгову Кира Павловна.

– Тем более, – заговорщицки прошептала Прасковья и склонилась к самому уху соседки, словно собиралась сказать нечто такое, что для чужих ушей не предназначено.

– Чего «тем более»? – отодвинулась от нее Кира Павловна и с любопытством посмотрела на Устюгову. – Чего ты меня все пугаешь, Паша?!

– Да разве я тебя, Кира, пугаю? – по-прежнему шепотом проговорила Прасковья. – Разве ж я пугаю? Я тебе правду говорю: что свадьба, что похороны – одна ягода лесная. Сглазют, не успеешь и рюмку выпить: только рот раскроешь! А потом люди думают, почему молодые не живут! Только женются, и сразу – как волки. А то и не живут, что чья-то бабка постаралась: где земли под ноги незаметно сыпанула, где заговор прочитала. А однажды... – Соседка зажмурилась как бы от ужаса, тем не менее продолжая незаметно наблюдать за впечатлением, производимым на Киру Павловну. – Однажды, – снова повторила Устюгова, – на свадьбе невесту на смерть заговорили.

– Как? – ахнула напуганная рассказами Прасковьи Кира.

– А очень просто. Перед выкупом водой после покойника крыльцо вымыли, да еще и под дверь девке плеснули. А никто и не знал. Думали, добрая соседка чистоту перед свадьбой наводит, чтоб не стыдно было.

– Так это ж не на свадьбе! – Кира Павловна попыталась поймать рассказчицу с поличным.

– Да какая разница?! – заерзала на стуле Прасковья. – Это ты, городская, думаешь, что свадьба после ЗАГСа начинается, а у нас, у деревенских, не так. Сосватали? Все! Свадьба началась. Потому что все уже знают, за кем невеста и к кому жених по ночам ходит. Поэтому родители девку при себе держат и работой грузят, чтобы по людям не моталась, хвостом не крутила, а то не ровен час – глянет кто-нибудь или дорогу перейдет. Поэтому ты, прежде чем Женьку своего из дому отпустить, в церкву сходи, молитву возьми, святой водой перед выходом умой и две булавки, крест-накрест, приколи прямо промеж лопаток.

– Господи, Паша, ну что за чушь ты несешь?!

– Никакая это тебе не чушь! Знаю, что говорю! Потом еще спасибо скажешь, что научила.

– Спасибо, научила, – иронично поблагодарила Кира Павловна соседку и поднялась со своего места.

– А еще знаешь, – Прасковью было невозможно остановить, – жениху с невестой зеркало дарю?т. Треснутое. А в трещине – заговор. Жених, значит, с невестой глянут – и между мужем и женой на всю жизнь разлад. И ничего тут не сделаешь. Искать надо того, кто заговаривал. А разве найдешь?

– Хватит, Паша. – Кира Павловна уже утомилась от соседских советов и приняла твердое решение Прасковью с собой в Долинск не брать, а то наговорит Женечкиным родителям лишнего, только напугает. Да и Коля, понимала она, взять ее с собой теперь не позволит.

– Ты не переживай, Кира! – как чувствовала, затараторила Устюгова. – Если что, ты на меня положишься. Я с вами и сватать поеду, и за порядком на свадьбе пригляжу, чтоб не украли там чего и не созорничали.

– Спасибо тебе, Паша, – снова, но теперь уже без иронии поблагодарила Кира Павловна и пошла к дверям. – Может, и сватать не придется, – легко соврала она. – Все люди заняты...

– И чего же, если заняты, – удивилась Прасковья. – Не сватать, что ли?

– Как Николай Андреич скажет, – тут же сослалась на мужа хитрая Кира Павловна, обычно, наоборот, козырявшая тем, что ей, советской домохозяйке, муж не указчик.

От упоминания имени Вильского Прасковья пригорюнилась, понимая, что теперь, когда он дома, путь в соседскую квартиру закрыт. И никакая сила не поможет переубедить принципиального главного инженера. «Раньше надо было думать!» – пролетела в ее голове здравая мысль и тут же испарилась за ненужностью: обратного пути не было.

– Понятно, что Николай Андреич скажет, – с деланной горечью проронила она, изобразив из себя женщину догадливую и тактичную: «Ни-ни, чтоб между женой и мужем». Устюгова, надо отдать ей должное, сделала верный ход: строптивая Кира Павловна тут же востепенелась и по своему обыкновению выпалила:

– А мне, Пашенька, твой «Николай Андреич» не указ!

– Не надо, Кира, – виртуозно продолжала играть свою роль Прасковья. – Нехорошо это. Чай, он не последний человек!

– Это вы привыкли, что «он на заводе не последний человек», – завелась Вильская, – а в семье у нас все равны! Как скажу, так и будет! – провозгласила Кира Павловна и решительно направилась домой с мыслью о необходимости восстановить в правах изгнанную соседку.

– Я помирилась с Пашей! – объявила она мужу за ужином.

– Да неужели? – ухмыльнулся младший Вильский и подмигнул отцу. – Я что-то пропустил?

Николай Андреевич медленно положил вилку рядом с тарелкой и внимательно посмотрел на Киру Павловну:

– Зачем, Кира?

– А что тетя Паша отчебучила? – с набитым жареной картошкой ртом встрял в разговор родителей Женька. – Пионерскими галстуками на рынке торговала?

– Женя! – выглянула Анисья Дмитриевна из кухоньки. – Ну что ты такое говоришь?

– А что тогда? – Парень поднял глаза на родителей.

– А, ничего, – отмахнулась от сына Кира Павловна, и голубые ее глаза забежали. – Ну повздорили, с кем не бывает. Повздорили – помирились...

– Я считаю, – взвешивая каждое слово, проговорил Вильский, – ты это сделала напрасно. Неосмотрительно.

– А что будет-то? – легкомысленно поинтересовалась Кира Павловна у мужа.

– Ты не разбираешься в людях, – упрекнул Николай Андреевич супругу и вытер губы салфеткой.

– А ты разбираешься! – приняла бой Кира Павловна.

– Кирочка, – Анисья Дмитриевна снова выглянула из кухни, чтобы пресечь разгорающийся спор.

– Помолчи! – прикрикнула на мать Кира и пошла пунцовыми пятнами.

– Эй, мам! Ты чего?! – вступился за бабушку Женька и перестал жевать. – Можете вы мне объяснить, что происходит?

– Нет, – моментально отреагировала Кира Павловна.

– Почему нет, Кира? – обратился к жене Николай Андреевич. – Я считаю, мы должны рассказать Жене о том, что случилось.

– Ничего я рассказывать не буду, – отказалась подчиниться Кира Павловна. – Надо тебе, ты и рассказывай.

– Понимаешь, Женя, – начал Николай Андреевич, – до меня дошли слухи, что Прасковья Ивановна очень неуважительно отзывалась о твоей... – Он запнулся, а потом уточнил: – О нашей Женечке.

Младший Вильский побагровел и уставился на отца с таким выражением лица, как будто это Николай Андреевич говорил дурно о «нашей Женечке».

– Я был вынужден вмешаться.

– И? – поторопил отца Женька.

– Прасковья Ивановна повела себя неинтеллигентно, и мне пришлось отказать ей от дома.

– А что она про Желтую говорила? – младшему Вильскому захотелось узнать поподробнее.

– Это уже неважно, – оборвал его отец, и всем стало ясно, что смакования деталей грязных пересудов не последует.

– Не понимаю, зачем? – покачала головой Анисья Дмитриевна и даже присела к столу, хотя обычно старалась уступить это место другим, когда за него садилась немногочисленная семья Вильских.

– А что тут не понимать? – набросилась на мать Кира. – Паша просто надеялась, что Женька сделает предложение Марусе.

– Я? – вскочил младший Вильский и опрокинул стул.

– А чего ты так удивляешься? – осадила его мать. – Ты! Я, что ли, Маруську провожала? В институт вместе, с института вместе.

– Так это меня тетя Паша просила! – возмутился Женька. – «Ты, мол, Женя, Марусю проводи. Тубус тяжелый, да и вдвоем как-то проворнее». А мне какая разница? Все равно в одном подъезде живем, она возле меня еще со школы отирается. Встанет и смотрит, как блаженная. Только очками сверкает! Откуда я знал, что у них на меня виды? Машка и Машка. Хорошая девчонка. А я-то тут при чем?!

– Ты, конечно, ни при чем, – уже спокойнее проговорила Кира Павловна, – но Пашу, как мать, понять можно: кто на ее Марусю позарится? Ее ведь разглядеть надо. Это мы к ней привыкли, а другие? Вот она и разобиделась!

– Кто? – не понял Женька. – Машка?

– Какая Машка! – рассердилась на непонятливого сына Кира Павловна. – Паша! Она же Марусю настроила. Смотри, чем Женя не жених? Столько лет, почитай, одной семьей жили! Вроде как сам бог велел. А ты – в сторону!

– В какую сторону? – простонал Вильский. – Машка же видела, что мы с Желтой встречаемся. Сколько раз в одном автобусе сюда добирались, втроем.

– Ну и что? Мало ли, что у нее в голове? С виду – со всем согласна, а в душе ветры веют.

После этих слов оба Вильских устали на Киру Павловну с нескрываемым любопытством. Далекая от поэтичности любого рода, не признававшая поэзию как вид искусства, перелистывавшая только «Книгу о вкусной и здоровой пище», она нечаянно создала в своей речи образ, как нельзя более точно характеризующий предполагаемое Марусино состояние. Девушку сразу стало жалко, о чем не преминула заявить Анисья Дмитриевна – сердобольная защитница всех обиженных и несчастных.

Женька неожиданно почувствовал себя виноватым, и перед его глазами всплыли многочисленные картины, главной героиней которых выступала Маруся Устюгова. То она краснеет, то бледнеет, то заикается и вздрагивает, когда он вырывает у нее из рук тубус... А цветы? Цветы, которые она ему подарила, когда они давали отчетный концерт перед преподавателями, комитетом комсомола и всеми желающими послушать. Главное, никому из «Эврики» цветов не подарили, а ему подарили. «Надо же, не побоялась на сцену забраться!» – тепло подумал о Марусе Вильский.

– И что же мне делать? – растерянно развел он руками и посмотрел сначала на отца, потом на бабушку.

– Может, с Марусей поговорить, чтобы не было никакой двусмысленности. Объяснить ей, – предположил Николай Андреевич, всерьез обеспокоенный судьбой теперь уже не Женечки, а несчастной Машеньки Устюговой. – Мы, – хмыкнул он и мельком взглянул на супругу, – в некотором роде за нее в ответе перед Василием... Даже не знаю! – расстроился старший Вильский и махнул рукой.

– Поговори с ней, Женечка, – заволновалась Анисья Дмитриевна. – По-хорошему поговори, по-доброму.

– Не надо! – громко отчеканила Кира Павловна и обвела семейство торжествующим взглядом.

– А что надо? – с вызовом переспросил мать Женя.

– Замуж ее выдать надо! – заявила Кира Павловна и, как первоклассница, старательно сложила перед собой маленькие руки.

– За кого?! – в один голос воскликнули отец и сын и уставились на нее в недоумении.

– Я вам скажу за кого, – только было открыла рот Кира Павловна, как ее мать с неожиданной для себя резвостью выпалила:

– За Фелю Ларичева.

По реакции матери Женя понял, что бабушка невольно присвоила себе то, что Кира Павловна собиралась выдать за неожиданное, но в корне прозорливое решение. У нее даже на секунду испортилось настроение. Но, поймав строгий взгляд мужа, Кира Павловна собралась с мыслями и коротко изложила суть дела:

– Я думаю, – зачертила она пальцем по скатерти, а потом легко вскочила из-за стола и заходила челноком по комнате, – надо их познакомить. И – поженить.

– Ты чего, мам? – задал резонный вопрос Женя. – Прямо вот так познакомить и сразу поженить?

– А что? – подпрыгнула на месте бесстрашная Кира Павловна. – Запросто. Я с Катей заранее, конечно, поговорю, пусть сына подготовит, а то он так и будет у них в этой Москве в девках сидеть.

– Мужчины в девках не сидят, – поправил мать Женька и улыбнулся.

– Нормальные мужчины, может, и не сидят. А этот – именно сидит. Как Илья Муромец на печи – тридцать лет в обед.

Услышав про Илью Муромца, Женька Вильский расхохотался: москвич Ларичев гораздо больше был похож на двухметровую жердь, чем на былинного богатыря. Неприлично худой, с непропорционально длинными руками, Феликс со школы носил прозвище Циркуль, и никакие успехи в учебе не могли сделать его образ привлекательным для девушек.

– Подожди, – успокаивала сына Катя Ларичева, жена близкого друга Николая Андреевича, с которым тот налаживал производство уникальных станков

в Вереysке ровно за год до войны. – Защитишь диссертацию – отбоя от невест не будет.

Феля был мальчик послушный: верил всему, что скажет властная Екатерина Северовна, известная своей безапелляционностью и безудержной любовью к сыну.

– Нельзя так, Катя! Это же парень, а ты его – к юбке. Как он жить-то у тебя будет? – вздыхал мягкий по характеру Ларичев и нежно трогал жену за руку.

– Очень просто! – подскакивала на месте Екатерина Северовна и в сердцах отдергивала руку. – Очень просто. Как все!

– Катя, он не сможет как все, – предупреждал ее супруг. – Ты превратила его в бесхребетное существо.

– Я? – Глаза Екатерины Северовны наливались слезами. Это происходило всякий раз, когда кто-нибудь неодобрительно говорил о ее мальчике или о практикуемых ей методах воспитания. – Это я превратила его в бесхребетное существо?

Ларичев молча кивал.

– А что мне оставалось делать? – всплескивала руками жена, а потом, прижав их к груди, произносила речь в лучших традициях ораторского (адвокатского) искусства: – Мальчик родился слабенький, обвитый пуповиной, с пупочной грыжей, золотушный...

Список изъянов, полученных Фелей при рождении, Екатерина Северовна то уменьшала, то увеличивала. Выпускница медицинских курсов, она с легкостью перечисляла многочисленные диагнозы, большая часть из которых не имела врачебного подтверждения, а являлась чистой выдумкой сумасшедшей мамы. Больше всего на свете Екатерина Северовна обожала лечить сына, для чего держала в холодильнике бесчисленные пузырьки и коробочки, именуемые по фамилиям гомеопатов: Зелинский, Альтман, Репс и т. д.

В поисках очередного Авиценны Екатерина Северовна могла отправиться из Верейска на край света, а не только в Москву, откуда когда-то приехала вслед за мужем с полуторогодовалым Феличкой на руках.

Сердобольная Анисья Дмитриевна неоднократно подсказывала боявшейся инфекций Катеньке, что мальчик мог бы быть вполне здоровым, если бы почаще гулял с детьми на свежем воздухе и был одет по сезону. Но нет, Екатерина Северовна считала такое решение слишком простым, не применимым к ее ситуации и поэтому упорно продолжала держать сына под стеклянным колпаком. Результат не замедлил себя ждать: Феля вырос заикленным на собственном здоровье мальчиком, проявлявшим недюжинные способности к языкам и точным наукам.

Екатерина Северовна, разумеется, мечтала о врачебной карьере для сына, но вместо белого халата Феликс Ларичев нацепил на себя связанный Анисьей Дмитриевной жилет из собачьей шерсти, избавляющей от всех болезней, и занялся физикой с таким энтузиазмом, с каким отдавался только собственному лечению.

В итоге квантовая физика сравнялась в правах с Фелиным здоровьем, и советская наука замерла в нетерпеливом ожидании смелых открытий. Теперь Екатерина Северовна со спокойной совестью могла сказать, что посвятила свою жизнь сохранению здоровья одного из самых перспективных физиков столетия. Осталось совсем немного: защитить диссертацию и пристроить Фелю в хорошие, добрые руки.

Именно их поиском и занялась Екатерина Северовна, но пока все попытки заканчивались неудачами: никто не спешил замуж за «циркуля», каким бы талантливым этот «цикуль» ни был. В этом смысле идея Киры Павловны была на удивление хороша, и с этим нельзя было не согласиться: благо был прекрасный повод.

– Буду звонить Катюше, – сообщила семье Кира и направилась к телефонному аппарату.

– Подожди! – попытался остановить ее Женька. – А что ты скажешь?

– Что говорят в таких случаях? – обернулась Кира Павловна к сыну. – У нас – товар, у вас – купец.

– Какие глупости! – вдруг рассердился Николай Андреевич. – Бесцеремонно вмешиваться в дела чужой семьи – это недопустимо.

– Ты что, пап? – Младший Вильский вытаращил на отца глаза, а Анисья Дмитриевна тут же ретировалась «на пост».

– Кира Павловна берет на себя функции свахи, забыв, что в таких вопросах главное условие – это взаимная симпатия молодых людей. А если Феликс не понравится Маше?

– Он не понравится Маше, – спокойно подтвердила предположение мужа Кира Вильская. – Это совершенно точно, потому что Маше нравится твой сын. А где я возьму Маше второго Женьку?

– Тогда не вижу никаких причин звонить в Москву и вести матримониальные разговоры с Ларичевыми, – отрезал Николай Андреевич.

– Ну уж нет, Коля! Это тебе не производство, не станки и не твои дурацкие схемы. Это, дорогой мой, иные материи. Более тонкие! Так сказать, таинство сердец, – снова допустила поэтическую оплошность Кира Павловна, и всем стало ясно: она взволнованна.

– Тогда я умываю руки, – смирился Вильский и закрылся от строптивой жены газетой.

– Я тоже! – на всякий случай присоединился к отцу Женька.

– А ты-то с какой стати?! – возмутилась Кира Павловна. – Я, значит, его дела улаживаю, а он «руки умывает». Лучше пригласи Феликса с Катей на свадьбу и попроси его быть свидетелем.

– Циркуля?! – подскочил как ужаленный младший Вильский. – У меня что, ближе друзей нет?

– Ближе – нет! – подвела итог Кира Павловна. – И потом, их все равно двое: Вова Рева – Лева Рева. Как будешь выбирать? А Феля тебе как старший брат.

– Не-е-ет, – простонал Женька и начал сползать вниз по стулу. – Он испортит мне все свадебные фотографии.

– Зато улучшит твою жизнь. – Кира Павловна подошла к сыну и постучала его по лбу. – Ты балбес! Делай, как мать говорит.

– А может, я не женюсь? Может, Желтая за меня не пойдет или ее родители запретят? Откуда ты знаешь?

– Даже если тебе запретят ее родители и мы с папой, ты все равно на ней женишься, – с уверенностью произнесла Кира.

– Это почему же? – довольно развязно спросил Женька и усмехнулся одним уголком рта.

– А потому же, – наклонилась к его уху Кира Павловна и что-то тихо прошептала сыну, отчего тот залился такой краской, что со стороны могло показаться: корни его волос приобрели оттенок насыщенной меди.

Женька вскочил как ужаленный со словами: «Ну ты, мам, даешь!» – и пулей вылетел из квартиры, чтобы предупредить свою ненаглядную Желтую, что близость их отношений перестала быть тайной для наблюдательной Киры Павловны.

– Откуда она узнала? – смутилась Женечка Швейцер и поправила на себе распахнувшийся ситцевый халатик.

– Сорока на хвосте принесла, – пожал плечами Вильский и притянул к себе Желтую. – Какая уже разница?! Все равно скоро женимся. Ты со своими поговорила?

– Поговорила, – потупилась Женечка.

– Ну?

– Папа не против.

– Тамара Прокофьевна, значит, против, – усмехнулся Женька, сразу почувствовавший, как напряглась его будущая жена.

– Не то чтобы...

– Слушай, Желтая, я все понимаю, но мне по большому счету все равно, что думает твоя мама. Я же не с ней жить буду.

– Не с ней, – эхом отозвалась Женечка Швейцер и обняла своего рыжего за шею.

– А с тобой. – Женька внимательно вглядывался в глаза любимой, пытаясь отыскать в них хоть капельку сомнения.

– Со мной, – расплылась в улыбке Женечка и зажмурилась от счастья.

– Во-о-от, – удовлетворенно протянул Вильский и поцеловал девушку в макушку. А потом – в висок. А потом уже и сама Женечка подставила ему чуть приоткрытые губы и с готовностью отдалась нахлынувшему чувству, предварительно закрыв дверь съемной комнаты на ключ.

– Откуда же она все-таки узнала? – спустя какое-то время повторила вопрос девушка, натягивая на себя простынку.

– Да не обращай ты внимания, Желтая! – закурил прямо в постели Вильский, рассматривая растрескавшийся потолок. – Она, может, просто так сказала, а мы сразу перепугались.

– Ты перепугался, – уточнила будущая жена и провела пухленькой ручкой по густым рыжим волосам лежавшего рядом Вильского. – Меня там не было.

Ее и правда в тот момент рядом не было, но Женечка оказалась не по годам прозорлива, в отличие от будущего супруга, который лишь годам к сорока открыл в собственной матери удивительную склонность к провокациям, на которые сам же и поддавался. Благодаря этой способности Кира Павловна

практически всегда добивалась чего хотела. Она была великолепным манипулятором, манипулятором-самородком, не прочитавшим ни одной книжки по практической психологии, но разбравшимся в ней на бытовом уровне столь мастерски, что превзойти ее в этом вопросе было по силам не каждому.

– Что ты ему сказала, Кира? – любопытствовал Николай Андреевич, отметивший, с какой скоростью Женька выпорхнул из дома.

– Ничего особенного, – улыбнулась Кира Павловна и набрала московский номер. – Але, Катюша? – спросила она, услышав на том конце низкий Фелин баритон.

– Это не Катюша, – проговорил Феликс Ларичев. – Мамы нет дома. А что вы хотели?

– Феля! – Кира Павловна осталась недовольна ответом, потому что предполагала, что московские друзья должны сразу же узнавать ее голос, невзирая на шумы и помехи. – Это тетя Кира.

– Тетя Кира! – вскричал Феликс. – А я вас сразу узнал!

– Феля, мальчик мой, – проговорила Кира Павловна. – Как твоё здоровье?

Услышав желанный вопрос, Феля на том конце провода расцвел и на полном серьезе принялся рассказывать, как работают его желудочно-кишечный тракт, сердечно-сосудистая система и что он делает для того, чтобы содержать все важные функции организма в надлежащем его возрасту состоянии.

Пока Феликс Ларичев шпарил наизусть рекомендации московских профессоров, Кира Павловна стояла, отодвинув трубку от уха, но, как только в потоке слов возникла небольшая пауза, Кира Вильская взяла быка за рога и быстро произнесла:

– Феля! Скажи маме – у нас свадьба.

– А кто женится? – поинтересовался растяпа Ларичев.

– Как кто, Феля? Женится Женя. Он будет тебе звонить сам. А пока не забудь, передай все Кате.

– Хорошо, – пообещал послушный Ларичев и расстроился: капризный Гименей снова обошел его стороной.

– Позвонила? – выглянула из кухни Анисья Дмитриевна.

– Позвонила, – не глядя на мать, ответила Кира Павловна и скоро ушла к соседям разрабатывать план сватовства.

– Москвич? – охнула Прасковья, внимательно выслушав Кирины предположения.

– Коренной, – соблазняла соседку Кира Павловна.

– Физик? – нараспев произносила Устюгова непривычно звучащее название неведомой профессии.

– Физик, – важно кивала Вильская, а потом пускала в ход секретное оружие: – Единственный сын, между прочим. Без пяти минут кандидат наук. Квартира в центре Москвы и женат никогда не был.

У Прасковьи блеснули глаза и раздувались ноздри, соседка нарисовала перед ней столь радужные перспективы, что просто не верилось.

– Только знаешь, Паша, – все-таки рискнула предупредить Кира Павловна. – Феля – он немного странный: высокий такой, не очень на лицо симпатичный, зато умный!

– А то я вашего Фелю не видела, – закрутилась на стуле Прасковья. – Чай, они к вам каждое лето с Катериной-то приезжают. Никак, значит, к своей Москве привыкнуть не могут, так к нам в Верейск и норовят приехать. А что? Им у вас хорошо. На всем готовом. Тетка Анисья знай целыми днями жарит-парит... А ты вот, Кира, смотрю, в Москву-то не часто ездешь. Видно, не зовут.

– Еще как зовут, – опровергла Прасковьино предположение Кира Павловна. – Только некогда мне. Дел много.

– Это какие ж это у тебя дела?! – не удержалась Устюгова, всегда завидовавшая удивительному умению соседки жить, как она считала, за чужой счет, не имея на то никаких моральных прав. «Из матери и то прислугу сделала! – ворчала она вечерами и прикрикивала на Марусю: – Учись, бестолковая, как жить надо. Чисто барыня дома сидит, палец о палец не ударит».

– А тебя что, Паша, моя жизнь заедает? – не осталась в долгу Кира Павловна, в эту минуту ощутившая свое абсолютное превосходство над соседкой.

– Что ты! – залопотала Устюгова. – Что ты! Так, для красного словца ляпнула, а ты уж сразу в обидки.

– Сегодня, Паша, ты для красного словца уж слишком много наляпала, – мстительно напомнила Кира, а потом вспомнила, по какому делу прибыла в соседское царство, и продолжила: – В общем, так, Прасковья, ты давай с Марусей поговори, а я с Катей потолкую. Глядишь, и сладится.

«Хоть бы сладилось! – мысленно взмолилась Устюгова и суеверно промолчала, предупредительно распахнув дверь перед подругой. – Правильно Васенька говорил, – продолжала она думать. – Хорошие они все-таки люди!»

К этой мысли Прасковья возвращалась всякий раз, когда получала что-нибудь от Вильских: приглашение к празднику, подарки на свой и Марусин день рождения, бережное отношение к памяти покойного Василия Устюгова. Но это не мешало испытывать постоянную зависть к соседям, а особенно к Кире, чьей подругой она себя называла. Благодарность и злость, простота и тайный умысел, верность и предательство странно уживались в душе этой простой женщины, обиженной на жизнь, потому что та недодала ей ни женского счастья, ни легкого хлеба.

«Одним – все, – думала Прасковья о Кире Павловне. – Другим – ничего», – вспоминала она про себя, и ей хотелось удавиться от отчаяния, но она потом спохватывалась, гнала дурные мысли и шла на рынок отвести душу. Там, стоя то в ягодном, то в галантерейном ряду, приумножала Прасковья свое богатство, откладывая каждую копеечку, чтобы ни в чем не отказывать своей хилой Марусе, составляющей весь смысл ее горького вдовьего существования.

«Утюго?ва!» – обзывали во дворе блеклую с лица Машеньку и обсыпали ее маленькую голову загаженным кошками песком.

– Прибью щас! – кричала из окна третьего этажа вездесущая Прасковья и неслась на помощь дочери, кстати, никогда не жаловавшейся на издевательства сверстников. – Чего застыла как истукан! – бросалась на нее мать и хватала за руку с такой силой, будто собиралась прибить именно ее, а не дворовых обидчиков, немедленно испарившихся. – Чего стоишь, воешь? Сдачу давай!

– Я не могу, – хныкала Маруся и пыталась высвободить руку.

– Не можешь, тогда дома сиди! – рявкала Прасковья, а потом бросалась успокаивать эту беленькую девочку и вытирала ей слезы с таким остервенением, что у той краснело под глазами.

– Мама, – вскрикивала от боли Маруся и пыталась увернуться, но и в ласке Прасковья не знала меры, так же как и в гневе, а потому зацеловывала дочь так, что та торопилась убежать в подъезд – подальше от внимательных глаз соседей.

С матерью Машеньке было неуютно. Гораздо спокойнее она чувствовала себя у Вильских, к которым ходила делать уроки и заниматься музыкой, хотя Прасковья, безусловно, могла бы приобрести для дочери инструмент. Но запретил Николай Андреевич, щадивший вдову Устюгову и искренно считавший, что Женькиного пианино с лихвой хватит для двоих.

– Ну что, Маруся? Выучила пьесу? – интересовался он, вернувшись с завода.

– Выучила, дядя Коля, – чуть слышно отвечала девочка и низко опускала голову.

– Тогда сыграй, – просил Вильский и присаживался на диван, всем своим видом показывая свою готовность приобщиться к прекрасному.

– Вэ Гаврили. «Лисичка поранила лапку», – как только умела громко объявляла Маруся и брала первый аккорд.

– Очень хорошо, – хлопал в ладоши Николай Андреевич и звал сына.

– Нет его, – отвечала за Женьку бабушка. – Во дворе.

– Занимался? – строго вопрошал тещу Вильский.

– Занимался, – подтверждала Анисья Дмитриевна. – С Кирой...

Кира Павловна никакого отношения к музыке не имела, но это не мешало ей руководить процессом. Она со знанием дела поправляла сыну спину, руки, отбивала ногой такт и требовала артистичного поведения: «Чтоб как в клубе!»

Пробовала она «позаниматься» и с Марусей, но быстро оставила эту затею, потому что девочка никак не хотела играть по придуманным тетей Кирой правилам, в отличие от артистичного Женьки, испытывающего очевидное удовольствие от звуков собственного голоса. «Са-а-а-анта Лючи-и-и-ия! Са-анта Лючи-и-и-я!» – надрывался младший Вильский, а потом вставал из-за инструмента и старательно раскланивался перед воображаемыми зрителями.

Маруся так не могла, поэтому рядом с ней всегда садилась такая же тихая Анисья Дмитриевна, с которой Прасковьиной дочери было комфортнее всего. Женькина бабушка не лезла с советами, не прикрикивала, а молча слушала и хвалила все, что извлекали Марусины руки из несчастного инструмента.

Надо ли говорить, что в глубине души Маруся считала Анисью Дмитриевну бабушкой и страстно мечтала поменяться местами с рыжим Женькой. А потом к этой мечте добавилась другая, но о ней девочка, а потом и девушка Маша Устюгова рассказала только своему дневнику, вероломно прочитанному бестактной матерью.

Речи о том, что недалеко время, когда Кира Павловна назовет Марусю своей невесткой, Прасковья начала вести с дочерью давно. Так давно, что Маша сроднилась с этой мыслью и терпеливо ждала, когда же Вильский напишет ей из Ленинграда и скажет: «Приезжай, Маруся!» Но вместо приглашения приехать Машенька Устюгова на каждый праздник получала от Женьки красочные открытки с видами Ленинграда и пригородов. Чаще всего в них содержалась информация такого рода: «Привет из Ленинграда. У меня все хорошо, чего и тебе желаю.

Пиши».

И Маруся писала. Длинные-длинные письма, бессюжетные по сути, потому что никаких особых событий в ее жизни не было. И чтобы хоть чем-то заполнить нескромное белое пространство листа, Маша рассказывала Вильскому содержание прочитанных книг, запомнившиеся места из прослушанных лекций, описывала нюансы верейской погоды и только иногда позволяла себе что-то личное из числа стандартных формулировок: «До каникул осталось столько-то дней», «Обязательно встретимся на каникулах», «Приедешь, обязательно поговорим».

Вильский не обращал внимания на кричащие о Марусиной симпатии сигналы и даже порой не дочитывал до конца эти скучные, как ему казалось, письма. Зато их с интересом читала Прасковья, потому что дочь писала каждое письмо по несколько дней и наивно полагала, что ее мать – воспитанный человек, никогда не читающий чужих писем.

Сама Прасковья Устюгова ничего предосудительного в том, что она прочитает одно-другое письмецо, не видела и, как только Маруся уезжала в институт, открывала ящик письменного стола, надевала очки и внимательно изучала содержимое каждого фрагмента. «Будь моя воля, – думала Прасковья, – я бы написала по-другому». Как? Она не знала, но точно знала, что иначе. В письмах дочери не было главного: страсти, которая передается на расстоянии и заставляет учащенно биться далекое сердце адресата.

Устюгова наряжала Марусю по последнему слову верейской моды, заказывала через Киру модельную обувь из Москвы, плела кружевные воротнички и жилеты, но все без толку. Платье, воротничок, жилет, шпильки существовали отдельно. Маруся – отдельно. Лучше всего, с неудовольствием признавала Прасковья, ее дочь выглядела в домашнем халатике, на фоне которого остренький носик, белесые, словно обсыпанные пылью, волосы, тоненькие ручки в синих прожилках вен смотрелись естественно. Как тут и было!

– Наряжайся! – приказывала Марусе мать и критично осматривала ее с ног до головы.

– Зачем? – удивлялась материнской настойчивости девушка, в глубине души все давно решившая. Молодые люди, обучавшиеся вместе с ней на машиностроительном факультете, ее нисколько не интересовали, ведь ее сердце уже было занято.

Конечно, полной уверенности, что она сменит фамилию Устюгова на фамилию Вильская, не было, но мать говорила об этом так часто, что перспективы оформились сами собой без Женькиного на то согласия. Старших Вильских в расчет не брали: Прасковья была уверена, что лучше невестки им не найти. Поэтому, как только молодой Вильский вернулся в Верейск, сбежав из гарантированного ему в Макаровском училище подводного рая, Устюгова начала всерьез готовиться к свадьбе, не поставив никого в известность. И чем это закончилось, уже известно.

«Но Бог есть на свете! И хорошие люди тоже!» – воодушевилась Прасковья и уселась у окна поджидать заочно просватанную дочку.

Московская Екатерина Северовна тоже не имела ничего против заочного сватовства и легко дала согласие на разговор с родительницей невесты при условии, что Кирочка «пришлет ее карточку».

– Чью? – удивилась Кира Павловна. – Пашину?

– Зачем же Пашину? – встречно удивилась Екатерина Северовна. – Машенькину. Я же ее совсем девочкой помню. А точнее – совсем не помню. Как хоть она? Симпатичная?

В ответ Кира Павловна промолчала, потому что любила говорить правду, и еле удержалась, чтобы не брякнуть: «На Фелю своего посмотри».

В общем, через пару дней жена Вильского скрепя сердце призналась супругу, что пожалела о собственной инициативе, потому что, вместо того чтобы заниматься устройством дел Женечки и Жени, она носится из одной квартиры в другую то за карточкой, то за советом, то за разрешением.

– О чем я тебя предупреждал! – без нажима напомнил Николай Андреевич и предложил супруге заняться своей семьей и предстоящей свадьбой. К тому же август был не за горами, а знакомство с родителями невесты так и не состоялось, хотя дети встречались почти два года и старшие Вильские уже никого на Женечкином месте себе не представляли.

Сватать решили немедленно, не дожидаясь вручения дипломов.

Предполагалось, что окончательный «совет в Филях» (так молодые называли процедуру обсуждения свадьбы) произойдет по случаю торжества в честь окончания института.

В родной город Женечки Швейцер Вильские поехали в неполном составе: закапризничала Анисья Дмитриевна, сославшись на то, что за домом нужен присмотр.

– Я без вас не поеду, – отказался принимать во внимание тещины аргументы зять.

– Не невольте, Николай Андреевич, – слезно попросила Анисья Дмитриевна и спряталась у себя на кухне.

– Ну пожалуйста, – попросила ее Женечка, правда, больше ради того, чтобы произвести впечатление на Жениных родителей. Зря старалась: Кире Павловне, похоже, было все равно. А если точнее, материнскому нежеланию ехать с ними в чужой город она была скорее рада, потому что искренне недоумевала, какое отношение Анисья Дмитриевна имеет к предстоящим событиям. Вот они с Колей – это понятно. А бабке-то что в гостях делать?

Примерно так же думала и сама Анисья Дмитриевна, убежденная, что свадьба – это дело молодое, а старики – она честно считала себя человеком пожилым – должны сидеть дома.

– Не хочешь, как хочешь, – равнодушно сказала Кира Павловна и озадачилась главным вопросом: в чем ехать к Женечкиным родителям? Думала долго – полдня. Снимала с плечиков платья, раскладывала их в ряд на супружеской кровати, а потом рассердилась и поехала в комиссионку в расчете купить там что-нибудь, соответствующее случаю.

В комиссионном магазине Кира Павловна была частым гостем и даже заходила туда со служебного входа, не обращая внимания на увещевания мужа.

– Ничего нескромного в этом нет! – отказывалась она признать свою вину. – Ты же проходишь через инженерную проходную на завод? – была она его карту.

– Кира, это завод. На нем работают тысячи людей. Такой порядок, – пытаюсь не раздражаться, объяснял Николай Андреевич.

– Ну и что?! – Ползли вверх две тонкие черные бровки-полосочки. – Это все равно дискриминация!

– Какая же это дискриминация, Кира, если существует соответствующее распоряжение? В конце концов, техника безопасности.

– У тебя на все «соответствующее распоряжение и техника безопасности», – передразнила Кира Павловна и вспомнила, что сама себе хозяйка. – Ходила и буду ходить! – пробурчала она себе под нос, надеясь, что слегка туговатый на ухо Николай Андреевич не разберет ее слов.

– Как тебе позволяет совесть, Кира. – По губам жены старший Вильский понял, что она произнесла.

– Моя совесть совершенно спокойна! – отрезала Кира Павловна и отправилась в «мещанскую обитель», как называл комиссионный юморист Женька.

Там ее поджидали три немецких платья, одно из которых вполне заслуживало быть помещенным в один из модных журналов дружественных в политическом плане стран Европы. Кира Павловна вцепилась в него сразу же, на что заведующая магазином и рассчитывала. Аквамариновый кримплен, фасон-обманка: с виду костюм, по крою – платье, мечта всех модниц Верейска.

– Берите не раздумывая, – посоветовала она жене главного инженера. – Цвет ваш! Как раз к глазам.

Кира Павловна приложила чудо-платье к груди и в благоговении замерла: точно – к лицу! Аквамариновый отсвет придавал ее светлой коже прозрачности, глазам – зеленцы, а у бледно-рыжих волос появился благородный оттенок.

– Беру! – объявила Кира Павловна и протянула платье заведующей: та замялась. – Что-то не так? – озабочилась покупательница, напуганная тем, что драгоценный товар уплывет прямо из рук.

– Дороговато, – промямлила заведующая. – Платье абсолютно новое, ни разу не надеванное.

– Сколько? – поинтересовалась Кира Павловна, понимая, что это тот самый случай, когда «полцарства за коня».

Заведующая предпочла произнести цифру шепотом. Кира Павловна сглотнула, но тут же взяла себя в руки и мужественно приняла единственно верное решение:

– Беру. Но с собой ровно половина суммы. Подождете? Вечером пришлю маму.

– Подожду, – возликовала про себя заведующая, радуясь, что наивная покупательница даже не поинтересовалась, по какой цене платье было сдано в комиссионку. И чтобы у покупательницы не возникло и тени сомнения, тут же добавила: – Вы первая. Никому это платье не показывала. Как увидела его, сразу про вас, Кирочка Павловна, подумала. Про ваши глазки голубенькие. Волосики золотенькие.

Дура «Кирочка Павловна» расплылась в улыбке и ничтоже сумняшеся, довольная, отправилась восвояси, успокаивая себя: «Если что, Женечке достанется».

Тамара Прокофьевна Швейцер такого унижения (а платья с чужого плеча она расценивала именно таким образом) допустить не могла и отвела дочь к портному, известному на весь Долинск тем, что он, как никто другой, умел маскировать недостатки женской фигуры.

– Не буду скрывать, дорогая Тамара Прокофьевна, – честно признался Барух Давыдович, – проблемки с фигурой присутствуют. Сколько весит наша красавица?

Женечка потупилась, а Тамара Прокофьевна закатила глаза под потолок.

– Не надо стесняться, – заворковал портной. – Это для русского мастера серьезная задача, а мы (почему-то он обращался к самому себе во множественном числе) умеем делать прелесть там, где (Женечка напряглась)

ее слишком много и так... Чего мы хотим от старого Баруха?

– Борис Давыдович, у нас свадьба, – начала Тамара Прокофьевна.

– Это уже все знают, – с тактичной улыбкой прервал ее мастер. – Когда?

– В августе, – пискнула Женечка и приподнялась на цыпочки.

– Ай-я-яй! – покачал головой Барух Давыдович. – Уму непостижимо! Прямо в августе? До августа всего месяц.

– В конце августа, – уточнила Женечка и встала бочком к зеркалу.

– Знаете, моя дорогая Тамара Прокофьевна, у вас очень грациозная девочка, – не преминул отдать должное Женечкиным прелестям внимательный еврей. – Это прекрасно. Это помогает в работе. Что будем творить? – обратился он к невесте, но ответ прозвучал из уст ее матери:

– Значит так, Борис Давыдович. Женечке нужен гардероб.

– Я думал, Женечке нужен свадебный наряд, – улыбнулся Барух Давыдович.

– Это тоже, но еще Женечке нужен гардероб.

– Мадам уже знает, из чего должен состоять ее гардероб?

– Мадам этого пока не знает, – снова вмешалась Тамара Прокофьевна, и у Женечки окончательно испортилось настроение.

– Можно я сама буду отвечать на вопросы? Вообще-то замуж выхожу я, – напомнила она матери и пожалела, что отказалась от услуг Киры Павловны, предложившей отвести ее к своему мастеру или, что прозвучало довольно странно, в комиссионку.

– Я вынужден поддержать, – очень мягко обратился к матери невесты Барух Давыдович.

– Никто и не спорит, – чуть отступила Тамара Прокофьевна и протянула портному исписанный листок. – Здесь все указано.

– Могу я читать вслух? – поинтересовался портной, в глубине души считающий, что Тамара Прокофьевна слишком строга к дочери.

– Разумеется, – дала добро заказчица и приготовилась слушать собственноручно составленный список.

– Свадебное платье – один, – процитировал Барух Давыдович, а Тамара Швейцер кивнула головой. – Платье на второй день – один. Пеньюар – два «экз». Что это – «экз»? – любопытствовал он у Тамары Прокофьевны.

– Два экземпляра, – расшифровала она и приготовилась слушать дальше.

– Костюм деловой – один. Халат домашний – один. Блузка – один.

– Одна, – автоматически поправила его Тамара Прокофьевна.

– Одна, – как попугай повторил портной, а потом вернул список заказчице: – Я не буду делать эту работу.

– Почему? – вздернула брови Тамара Прокофьевна, привыкшая к тому, что ей, как главному бухгалтеру крупнейшего в Долинске ресторана, подчиняются беспрекословно.

– Потому что это невозможно. – Портной стал на редкость серьезным. – Такие заказы нельзя делать за месяц. Солидные люди делают такие заказы заблаговременно.

– Ты слышала? – обернулась к дочери Тамара Прокофьевна. – Нечего было время тянуть. Где я тебе теперь возьму приличное свадебное платье?

Женечка промолчала и с тоской посмотрела на Баруха Давыдовича:

– Неужели уже ничего нельзя сделать?

– Для вас, моя красавица, можно, – поспешил успокоить обеспокоенную невесту портной. – Для вас – все, что хотите, но ваша мама должна понять старого Баруха и сократить список вдвое.

– Почему? – осталась недовольна ответом портного мать Женечки.

– Я не отшиваю ширпотреб, дорогая Тамара Прокофьевна. Для этого есть фабрика Ставского. Идите туда.

– Если бы я хотела, они бы пришли ко мне сами. Но я пришла к вам, Борис Давыдович.

– Я это ценю, Тамара Прокофьевна.

– Мы согласны заплатить две цены, – начала уговаривать портного заказчица. – За срочность.

– Я не беру денег за плохую работу. Свадьба – это вам не похороны.

Женечка с ужасом посмотрела на странного закройщика.

– Это похороны стремятся забыть сразу, как только покойника зароят в землю. А свадьба – это событие, которое люди вешают на стену. Чтобы оно было перед глазами и делало жизнь прекраснее. Я не шью на похороны, где никто не оценит чудесного кроя: какая разница, в чем гниют ваши родственники. Я шью только на свадьбы, где люди скажут: «К этой красоте приложил руку сам Барух». Это мой принцип! – торжественно произнес мастер и сдернул с плохо выбритой шеи сантиметровую ленту. – Я все-таки обмерю эту роскошь, – подошел он к Женечке и ловко обхватил талию сантиметром. – Прекрасные величины! То, что надо для женщины.

– Так вы беретесь за эту работу? – окрылилась Тамара Прокофьевна, видя, что портной приступил к снятию мерок.

– Ни в коем случае! – моментально отреагировал Барух Давыдович и записал в блокнот очередной показатель.

– Тогда зачем вы меня обмеряете? – удивилась Женечка и растерянно посмотрела на мать.

– Потому что я знаю: Тамара Прокофьевна – умная женщина. Только умная женщина может управлять таким количеством нечестных людей и сдавать без проблем годовые отчеты, – сделал он комплимент бухгалтеру Швейцер и попросил Женечку поднять руки. – Идеальная грудь! – сообщил он об очередном открытии и взглянул из-под очков на насторожившуюся Тамару Прокофьевну. – Ну так что? Мы будем вести разговор как взрослые люди? Или мы будем обмениваться любезностями?

– Ваши условия? – вступила в диалог мать невесты.

– Свадебное платье, платье на второй день, один пеньюар, никаких домашних халатов и деловых костюмов.

– А костюмы-то чем вам не угодили? – рассмеялась Тамара Прокофьевна.

– Дорогая Тamarочка. – Портной вдруг максимально сократил дистанцию и, лукаво улыбаясь, проговорил: – Вашей доченьке это не пригодится.

Мать и дочь Швейцер в непонимании уставились на философски настроенного портного.

– Я кое-что повидал в этой жизни. Поверьте: женское тело после свадьбы изменяется безвозвратно. Хорошие жены всегда полнеют. Это закон. Ваша девочка, – со знанием дела произнес Барух Давыдович, – станет хорошей женой.

Женечка хихикнула.

– Нет, я не прав. Ваша девочка станет лучшей женой вашему зятю. Как, кстати, зовут этого счастливца?

– Евгений, – поторопилась сообщить портному расцветшая на глазах Женечка Швейцер. – Как и меня!

– Не может быть! – хлопнул себя по бокам портной. – Жена – Евгений и муж – Евгений?! Это хороший знак. Перст судьбы. Когда жена и муж носят одно имя на двоих, – изрек Барух Давыдович, – они счастливы в браке. Две половинки! Какая прелесть! – Портной оказался весьма сентиментальным человеком.

– Не знаю, – подлила ложку дегтя в бочку меда Тамара Прокофьевна и встала со стула. – Ни в чем нельзя быть уверенным, – обратилась она скорее к дочери, чем к закройщику, и предложила наконец-то обсудить вопросы финансового характера.

Здесь Барух Давыдович проявил удивительное понимание к серьезным расходам родителей невесты, сделал огромную скидку в качестве подарка новобрачным и встречно попросил уважаемую Тамару Прокофьевну Швейцер о небольшом одолжении:

– Я хочу, чтобы моя дочь Хася работала под вашим руководством. Это возможно?

– А что умеет делать ваша Хася? – по-деловому уточнила Тамара Прокофьевна.

– Я думаю, моя Хася не умеет делать пока ничего из того, чему можете научить ее вы, дорогая Тамара Прокофьевна. Эти планово-экономические институты – плохая школа. Для всего необходима практика. Я буду признателен вашей семье вечно, – застыл в подобострастном поклоне Барух Давыдович, а главный бухгалтер Швейцер снисходительно пообещала похлопотать.

– Похлопотать я и сам могу, – очень тихо произнес портной. – Я хочу, чтобы вы ее обучили.

– У меня штат укомплектован, – вздохнула Тамара Прокофьевна, а сама подумала о возможности избавиться от подстрекательницы Нюски Стариковой, неоднократно запускаящей вороватую руку в государственный карман. – Но ведь не пойдет же она работать буфетчицей?

– Нет, – категорически отказался Барух Давыдович. – Но штатным бухгалтером она вполне могла бы быть.

В этом смысле Тамара Прокофьевна Швейцер была всесильна, о чем свидетельствовал тот факт, что ее Женечка, провалив экзамены в Казанский университет, год проработала в наскоро изобретенной должности бухгалтера-стажера. Но это была ее собственная дочь, а здесь – какая-то Хася. Стоит ли оно того?

«Стоит!» – моментально взвесила все «за» и «против» Тамара Прокофьевна Швейцер и в миг зачисления Хасеньки в штат превратилась в обладательницу синего кашемирового пальто с огромным лисьим воротником.

– Это взятка? – прошептала на ухо Баруху Давыдовичу главный бухгалтер ресторана «Север».

– Это благодарность, – нашел другое определение портной и аккуратно упаковал презент в оберточную бумагу.

Надо ли говорить, что свадебное платье Женечки Швейцер оказалось на такой высоте, которую всем последующим невестам Долинска взять было практически невозможно. Барух Давыдович предложил довольно-таки смелый проект, к которому Тамара Прокофьевна отнеслась с известной долей скепсиса, а сама Женечка с необыкновенным воодушевлением.

«Бледно-розовый чехол, кремовый газ, а все вместе – изысканный цвет чайной розы, на лепестках которой восходящее солнце оставило свой отсвет» – так поэтично охарактеризовал свою задумку Барух Давыдович, наотрез отказавшись от новомодных фасонов в пол.

– Прошу простить, но это не ваша модель, – уговаривал он Женечку и рисовал на листке блокнота сначала большой треугольник, а потом такого же размера квадрат.

– Это я? – обижалась на старика девушка.

– Это будете вы, если не услышите моего совета. – Портной оставался непреклонным.

Такую же стойкость и непоколебимость Барух Давыдович проявил, услышав о намерении Женечки завершить свой образ вошедшей в моду шляпой с широкими полями.

– Это невозможно! – кричал он на невесту и топал ногами.

– Я так хочу! – капризничала Женечка, еле сдерживая слезы.

Тогда Барух Давыдович снова брал в руки блокнот и рисовал очередную геометрическую фигуру с уродливым блином на вершине.

– Это кастрюля! – совал он рисунок Женечке под нос. – Кастрюля, а не невеста. Я не пошел бы на такую свадьбу ни за какие деньги. Вы желаете быть кастрюлей?

«Кастрюлей» Женечка Швейцер быть не хотела ни при каких обстоятельствах, поэтому скоро капитулировала и попросила у портного прощения за то, что невольно усомнилась в его эстетической прозорливости.

– Со мной можно. – Барух Давыдович по-отечески обнял за плечи похудевшую от переживаний Женечку. – Это вам не... – Он чуть было не сказал «мама», но вовремя остановился и дипломатично оборвал фразу на полуслове.

Зря выдавший виды дамский портной думал, что Женечка Швейцер не способна дать отпор своей авторитарной мамаше. За внешней нежностью и обманчивой покладистостью скрывался маленький танк, ничуть не уступавший дальнобойным орудиям самой Тамары Прокофьевны. Не случайно, когда на поле брани сходились мать и дочь, Николай Робертович Швейцер, супруг и отец, подхватывал под мышку коробку с шахматами и спускался во двор в поисках безопасного места.

– Как Женечка похожа на вас, – пожал руку старший Вильский будущему родственнику, едва перешагнув порог дома Швейцеров.

– Что есть, то есть, – радостно признал счастливый папаша и обнял свою точную копию: ни дать ни взять два жизнерадостных коlobка. Они даже казались одного роста, хотя, безусловно, это было не так.

– Не стойте в дверях, – пригласила наряженная по случаю торжественного события в строгое черное шелковое платье Тамара Прокофьевна и подала руку Кире Павловне, приехавшей в Долинск в умопомрачительном наряде, история которого была рассказана чуть выше. – Очень интересный фасон, – одобрила хозяйка дома выбор Киры Павловны и повела будущую Женечкину свекровь осматривать хоромы.

– Хороший метраж, – польстила гостя Тамаре Прокофьевне, тактично умолчав о площади собственной квартиры. Ей, в принципе недостаточно хитрой для интриг любого рода, сразу же стало ясно, что между ней и главным бухгалтером Швейцер начались долгосрочные состязания. Поэтому Кира Павловна всерьез озаботилась тем, чем пополнить арсенал неопровержимых аргументов, способных расплющить противника.

– Неплохой, – приняла комплимент Тамара Прокофьевна и вывела гостью на увитый диким виноградом балкон, больше напоминавший террасу. – Предлагаю расположиться здесь. – Хозяйка указала на покрытый скатертью стол, сервировка которого была выполнена по всем правилам ресторанного искусства и была столь изысканной, что Кира Павловна Вильская записала очко на счет противника.

– Проходите-проходите, – защebetала Тамара Прокофьевна, довольная произведенным эффектом, благодаря которому аквамариновый шик гостыи несколько потускнел.

– Очень красиво, – с завистью выдохнула Кира Павловна и поискала глазами мужа, чье присутствие ей было сейчас просто необходимо, ибо она чувствовала себя неловко.

– Надеюсь, Николай Андреевич не любителю играть в шахматы? – с надеждой поинтересовалась Тамара Прокофьевна, недолюбливающая увлечение супруга.

– Ну что вы, – легко соврала Кира Павловна, в принципе не имевшая ничего против шахмат. – Николай Андреевич все больше кроссворды отгадывает или газеты читает. Любит быть в курсе.

– Нормальный человек, – одобрила занятия свата вечно недовольная мужем Тамара Прокофьевна.

Недовольство являлось одной из главных черт характера хозяйки дома. Причем главного бухгалтера ресторана «Север» не устраивало абсолютно все: и выбор дочери, и погода на улице, и политика Соединенных Штатов Америки. Единственное, что радовало и воодушевляло Тамару Прокофьевну, носило имя вождя кубинской революции Фиделя Кастро. Его портрет служил Тамаре Швейцер своеобразной иконой, категорически отрицавшей наличие любых сверхъестественных сил.

Атеизмом своим она гордилась так же, как и красным партбилетом. И вообще, к беспартийным относилась с большим недоверием. Именно в их число и входил несчастный Николай Робертович, предпочитавший держаться в стороне от любых политических организаций, сколь бы добровольный характер те ни носили.

– Нельзя быть таким беспринципным! – упрекала мужа Тамара Прокофьевна и ставила в пример Женечкиного свекра. – Вступай в партию, а то дождешься, снимут с должности.

– Не хочу! – отбивался от жены Николай Робертович и приводил ей в пример Киру Павловну.

– Кто это такая?! – взвизгивала Тамара Прокофьевна при звуке невыносимого для нее имени.

– Это человек! – чуть громче, чем обычно, заявлял Николай Робертович. – Причем хороший человек. Доброжелательный, простой.

– Вот Николай Андреевич – это человек! – выдвигала свой аргумент Тамара Прокофьевна. – А эта... Эта... – Она подыскивала слова. – Эта – примитивная домохозяйка, мещанка и иждивенка! Никогда бы не пошла с ней в разведку!

– А с кем бы ты пошла в разведку, Тамара? – вдруг очень серьезно спрашивал жену Николай Робертович.

– Ни с кем! – выкрикивала та и хлопала дверью.

– Я так и думал, даже среди членов партии не нашлось ни одного человека, который вызвал бы в тебе добрые чувства, – бормотал себе под нос Николай Робертович и отправлялся на поиски парусиновой шляпы, спасавшей его местами облысевшую голову от жары.

Эта шляпа (летом – парусиновая, осенью – фетровая) была визитной карточкой Швейцера, неотъемлемой частью его образа, и именно ее Тамара Прокофьевна ненавидела всеми фибрами души, полагая, что она дискредитирует в том числе и ее саму. Возможно, именно поэтому второй вопрос, который она задала Кире Павловне, звучал следующим образом:

– Скажите, а Николай Андреевич носит шляпы?

Жена Вильского от неожиданности чуть не поперхнулась и снова искала глазами мужа, не зная, как ответить на столь простой, в сущности, вопрос. Сказать «да» было так же небезопасно, как и «нет». Поэтому она предпочла нейтральное: «Временами».

– Мне кажется, вы очень гармоничная пара, – сделала странный вывод Тамара Прокофьевна и прокричала с балкона в зал: – Пора садиться!

Призыв к столу услышало только младшее поколение.

«Совершенно бесстыжий!» – отметила про себя Тамара Прокофьевна, увидев, что Женька, нисколько не стесняясь, обнимает ее дочь за то место, которое располагается чуть ниже талии. Причем – и этим обстоятельством Тамара Швейцер была возмущена до глубины души – ее благовоспитанная девочка была нисколько не смущена, а даже напротив, так и норовила прижаться к этому рыжему. «Нашли время!» – хотелось сделать замечание Тамаре Прокофьевне, но, увидев, что Кира Павловна реагирует на такие «вольности» в отношениях молодых людей абсолютно спокойно, она сдержалась.

– Женя, – довольно строго спросила она дочь, – а где папа?

– Пошли смотреть ГЭС, – ответил за Женечку младший Вильский и обратился к будущей теще: – А кто у вас играет? Вы? Николай Робертович? Хороший инструмент. Немецкий. С двенадцатью медалями.

– Трофейный, – похвасталась Тамара Прокофьевна, не ответив на вопрос Вильского.

– Ну так кто же? – не отставал Женька и кивнул головой в сторону видневшегося из зала пианино.

– Играет Евгения, – важно проговорила Тамара Прокофьевна.

– Ты?! – удивился Вильский, а Женечка смутилась. – А почему же ты молчала?

– Потому что ты играешь лучше! – честно сказала девушка.

– Ну и что? – Женька явно никак не мог уяснить, почему та скрывала владение инструментом.

– Евгения играет очень хорошо, – как назло, повторила Тамара Прокофьевна. – Она с отличием окончила музыкальную школу.

– Ну и что? – Женечка недовольно скривила лицо. – По сравнению с ним, – она показала на будущего супруга, – я играю недостаточно хорошо.

– Да какая разница?! – подпрыгнул на месте Женька. – Мы могли бы играть в четыре руки.

– Нет, – покачала головой Женечка. – Мы не станем с тобой играть в четыре руки. Играть хуже, чем ты, я не хочу, а так – у меня не получится.

– Но ты даже не пробовала! – упрекнул ее Женька, почувствовавший себя обманутым.

– И не буду, – надула губки Женечка Швейцер и потупилась.

– И не надо, – наконец-то решилась вступить в разговор Кира Павловна.

– Почему это не надо? – в один голос воскликнули Тамара Прокофьевна и Женька.

- Потому что не надо! – чуть не расплакалась Женечка, напугавшись, что сейчас ее заставят что-нибудь сыграть.
- Я вот, например, тоже плохо играю, – попыталась поддержать девушку Кира Павловна.
- Мам, да ты вообще не играешь! – рассмеялся Женька.
- Откуда ты знаешь? – незаметно для других подмигнула ему Кира Павловна.
- В смысле? – опешил младший Вильский, не зная, куда двигаться в разговоре дальше.
- Судя по всему, – то ли иронично, то ли серьезно проговорила Тамара Прокофьевна, – Кира Павловна – очень скромный человек.
- Да бросьте вы! – Кире Вильской надоели эти церемонии, и она решительно перешла к делу: – Вот где наши мужчины?
- ГЭС смотрят, – хором ответили молодые.
- Нашли время ГЭС осматривать! – возмутилась Кира Павловна, а Тамара Прокофьевна насторожилась: не быстро ли освоилась? – Одним днем приехали, – продолжила Вильская. – Надо все обсудить, а они на экскурсиях.
- Мне кажется, – усмехнулась Женечкина мать, – пока и обсуждать нечего.
- Мама! – ахнула девушка.
- Что мама? Если мне не изменяет память, сначала молодой человек делает предложение, а потом уж родители обсуждают все остальное.
- Желтая! – развеселился Вильский. – Хочешь, я снова сделаю тебе предложение?

– Не надо, – покраснела Женечка, понимая всю нелепость происходящего: про какое предложение можно вести речь, когда родители жениха приехали к родителям невесты, чтобы познакомиться и заручиться их, а не ее согласием.

– Если Тамара Прокофьевна так настаивает, – официальным тоном произнес Вильский, – я это сделаю.

– Не надо! – снова отказалась девушка.

– Нет, надо, – выпалил Женька и выбежал из квартиры, удивив женщин. – Желтая! – прокричал он снизу, встав прямо под балконом. – Посмотри на меня.

Женечка перевесилась через перила и настороженно посмотрела на Вильского.

– Желтая! – торжественно произнес Женька. – Дорогая Евгения Николаевна! Выходите за меня замуж.

Женечка засмеялась в голос.

– Вы согласны?

– Согласна, – крикнула с балкона девушка, с удовольствием включившись в игру.

– Тамара Прокофьевна! – на весь двор заорал Вильский. – Ваша дочь согласилась выйти за меня замуж!

Кое-где распахнулись окна, и в них появились заинтересованные лица соседей.

– Здравствуйте! – снова проорал Женька и поклонился зрителям. – Я – жених. Это, – ткнул он пальцем вверх, – моя невеста. Предложение сделано, по общему согласию молодые решили носить фамилию Вильские! Ураа!

«Паяц», – прошипела себе под нос Тамара Прокофьевна, а кое-кто из соседей даже похлопал смелому жениху. Но больше всех радовалась Женечка, как и любая женщина, тронутая публичным признанием в любви.

– Ну ты даешь! – бросилась она к запыхавшемуся Вильскому и повисла у него на шее.

– Ну что, Тамара Прокофьевна? Принимается?

– Принимается, – сухо выдавила из себя хозяйка и предложила присесть, не дожидаясь возвращения мужчин.

– Как-то неловко, – заикнулась Кира Павловна, но перечить не стала и послушно уселась за стол.

– Ничего неловкого в этом не вижу, – успокоила ее Тамара Прокофьевна. – Семеро одного не ждут.

– Двоих, – напомнила матери Женечка.

– Нас больше, – смело подмигнул теще Вильский и предложил свою помощь: – А хотите, я за ними схожу?

– Не надо, – остановила его Женечка. – Они скоро явятся.

– Что-то непохоже! – скривилась Тамара Прокофьевна, удрученная тем, что сватовство развивается не по тому сценарию, какой она себе представляла.

«Какая же Женька у меня невезучая!» – сделала Тамара Прокофьевна странный вывод, абсолютно игнорируя то, что дочь буквально светилась от счастья. Удивительно, но чем радостнее было выражение Женечкиного лица, тем сумрачнее становилась ее мать.

Тамара Прокофьевна хотела для дочери другой судьбы, потому что свою женскую долю считала горькой и постылой. Николай Робертович быстро утратил для нее привлекательность, и, кроме раздражения, при взгляде на мужа в ее душе практически ничего не появлялось. «Кукурузник!» – называла супруга Тамара Прокофьевна и мечтала о другом мужчине, похожем на Фиделя Кастро. «Зачем? Куда торопится? Мало того, отец достался дурак. Еще и муж – с тараканами в голове. Тоже мне! Артист погорелого театра. Говорила я ей, выходи замуж за Веденского. Не-е-ет, подавай ей этого рыжего!» – кипела

Тамара Прокофьевна и бросала гневные взгляды на Киру Павловну, будто именно та была виновата, что мужчины так некстати отправились осматривать ГЭС, Женечка без ума влюблена в младшего Вильского, на улице – жара, а у нее самой на душе кошки скребут.

– Вы, я вижу, спокойно относитесь к тому, что Николай Андреевич ГЭС осматривает? – поправила прическу Тамара Прокофьевна и делано улыбнулась гостю.

– Да мне все равно, – простодушно ответила Кира Павловна. – Сидим в тенечке, дети – рядом. Опять же поговорить можно о том о сем.

– «О том о сем» можно, – усмехнулась хозяйка дома и окончательно перевела Киру Павловну в разряд стопроцентных дур.

Нет, не права была Тамара Прокофьевна Швейцер. Недооценила способности Киры Вильской, женщины пусть не очень-то и образованной, но весьма сообразительной.

– Вот и давайте, – внешне миролюбиво предложила Кира Павловна, а Женька, услышав материнскую интонацию, напрягся, проклиная на чем свет стоит отцовскую любознательность.

– Вы из какой семьи? – приступила к допросу Тамара Прокофьевна.

– Я из служащих, – хитро ответила Кира Павловна, умолчав о родителях, будто была круглой сиротой. – А вы? А Николай Робертович?

Тамара Прокофьевна опешила, ибо мысленно отчего-то присвоила себе единоличное право задавать вопросы за этим столом, а тут, получается, эта Вильская перехватила инициативу.

– Николай Робертович лишился родителей много лет назад. В этом смысле наша Женечка всегда была обделена вниманием. У всех – бабушки, дедушки, а у нас – никого, – с печалью в голосе гнула свою линию в разговоре Тамара Прокофьевна, умолчав о том, что со своими родителями, равно как и с остальными родственниками, она разругалась в пух и прах и отказала им от дома. А все

потому, что эти простые люди неодобрительно отозвались о том, как она относится к собственному мужу.

«Будешь ты мне еще указывать!» – кричала тогда Тамара на мать и от возмущения готова была броситься на нее с кулаками. «Зачем же ты так, доченька? – растерянно переспрашивала ее та и снова и снова повторяла: – Разве ж так себя с мамкой ведут? Грех это. С тебя же спросится, что Колю обидела и меня обидела. Разве ж так можно?»

«А зачем ты лезешь в мою жизнь?! – бесновалась молодая Тамара. – Какое твое дело?!»

Точно так же она попробовала прикрикнуть и на младших сестер. Но те себя в обиду не дали и быстро поставили на место, указав, где бог, а где порог. Больше ни их, ни мать с отцом Тамара не навещала, не смогла простить, хотя и прощать-то было нечего. Обычное дело.

И вот теперь Женька, такая же упертая, как и она сама, показала ей дулю: перечеркнула все ее планы, обесценила все старания. Единственная дочь – за рыжего без пяти минут инженеришку!

– Тамара Прокофьевна, – обратился к ней Женька. – А хотите я вам сыграю?

– Не надо, – автоматически отказалась Женечкина мать. – Я не люблю самодеятельность.

– А я люблю! – хлопнула по столу Кира Павловна и потянулась к невестке: – Давай, Жень, сыграй. А мы с мамой твоей послушаем.

– Пусть лучше Женька споет. – Жене хотелось представить жениха в выгодном свете.

– Не надо, – снова отказалась Тамара Прокофьевна.

– Да он очень хорошо поет, – вступилась за сына Кира Павловна. – Вам понравится.

– Мне не понравится, – совсем уж бестактно бросила Тамара Прокофьевна, и Женечка сникла.

– Не хотите, как хотите, – рассмеялся молодой Вильский. – А мы все равно с Желтой споем.

И спели. Да так, что проходившие под швейцеровским балконом соседи останавливались и задирали головы, ошибочно предполагая, что в гостях у суровой Тамары Прокофьевны ни много ни мало сам Муслим Магомаев и Майя Кристалинская.

– Хватит, – попыталась остановить выступление хозяйка, – а то люди еще подумают – свадьба.

– Так у нас почти свадьба! – рассмеялся Женька и предложил спеть «Медведей». – Давай, Желтая! А я буду аккомпанировать.

– Женечка поет, – безошибочно определил, кому принадлежит красивый голос, Николай Андреевич, поддерживающий под руку слегка пошатывающегося свата.

– Значит, не бросила. Так и поет? – чуть не прослезился Николай Робертович и остановился под собственным балконом. – Чудо, а не девочка, – поделился он с новообретенным товарищем и икнул: напомнила о себе газировка, которой они запивали в «Томочкином ресторане» «Север» те самые сто грамм, которые должны были ускорить процесс схождения «человека с человеком».

– Не могу с вами не согласиться, – подтвердил правоту высказанного предположения старший Вильский, почувствовавший, как повело его после принятого на тридцатиградусной жаре. – Мне кажется, нам пора.

– Мне тоже так кажется, – быстро согласился маленький Швейцер и стянул с себя парусиновую шляпу, чтобы вытереть вспотевшую под ней лысину. – Пойдем, Коля, – взял Николай Робертович Вильского под руку и повел в подъезд.

И обычно церемонный при первом знакомстве Николай Андреевич с готовностью пошел за товарищем, не обратив внимания на это панибратское обращение.

Пока поднимались на третий этаж, взмокший от духоты Швейцер останавливался после каждого пролета и обмахивался своей парусиновой шляпой.

– Сердце шалит, – поделился он шепотом с Вильским и похлопал себя по левой стороне груди. – Врачи рекомендуют Кисловодск.

– Так поезжайте, – посоветовал Николай Андреевич, встревоженный рвущимся из груди дыханием Женечкиного отца. – Есть такая возможность?

– Есть-есть, – с готовностью замахал шляпой Николай Робертович, – но не могу. Должность, знаете ли, не позволяет. Вот пустим ее, красавицу (это он о ГЭС), и поеду. А то, знаете ли, бухгалтерия – дело такое. Здесь контроль нужен.

– Нужен, – еле заметно подтолкнул Швейцера Вильский, и они преодолели очередной пролет. – Но все равно настоятельно рекомендую – в Кисловодск.

– А я рекомендую, – слышался сверху голос самой Тамары Прокофьевны, – кое-кому вернуться к гостям и вспомнить об обязанностях хозяина дома.

– Уже идем, – заторопился Николай Робертович и беззвучно показал своему спутнику, как покатится с плеч его буйная головушка.

– Не сердитесь, дорогая Тамара Прокофьевна, – правильно понял свою роль Вильский и взял вину на себя. – Не смог усидеть в квартире. Когда еще придется увидеть Долинскую ГЭС. Профессиональное, так сказать, любопытство. Инженерная мысль! Строительная мощь.

– Коля! – выглянула из-за плеча высокой Тамары Прокофьевны низенькая Кира Павловна и безошибочно определила, что ее супруг уже немного навеселе, но, в отличие от хозяйки квартиры, пришла от этого в прекрасное расположение духа. – Вы слышали, как дети пели?

– Слышали, милая Кира Павловна, – залепетал Николай Робертович и многократно поцеловал жену Вильского маленькую ручку с рубиновым перстнем на коротком указательном пальце.

– Ой, что вы! – смутилась Кира Павловна, но в целом таким обращением осталась довольна.

– Ничего-ничего, – продолжал лепетать Швейцер и, пристроив парусиновую шляпу на вешалку, повел гостью к столу.

– Папа! – бросилась к нему Женечка и подпрыгнула от нетерпения. – Ну где ты был? Мне тут Женька в очередной раз предложение делал...

– Угу, – встряла Тамара Прокофьевна. – Было такое дело.

– Мы с ним концерт давали, – продолжала щебетать Женечка, продолжая подпрыгивать. – А вас все нет и нет.

– Твоя неправда, мушка, – положил руки дочери на плечи расплывшийся в обаятельнейшей улыбке Николай Робертович. – Мы, так сказать, с моим новым благоприобретенным другом были вашими самыми внимательными слушателями.

– Соседям на смех, – язвительно добавила Тамара Прокофьевна и с грохотом отодвинула стул. – Садимся! – скомандовала она, и все послушно заняли свои места за столом.

Началась процедура сватовства, правда, не имеющая ничего общего с далеким заходом из серии: «У нас – петушок, у вас – курочка». Инициативу взял в свои руки Николай Андреевич и, глядя исключительно на Тamarу Прокофьевну, произнес заранее подготовленную речь.

– Уважаемые Тамара Прокофьевна и Николай Робертович. – Старший Вильский поднялся из-за стола. – Повод, по которому мы все собрались здесь сегодня, ни для кого не является секретом. У вас есть дочь, у нас – сын. И они любят друг друга. Поэтому наша задача – поддержать их и помочь встать на ноги. Мы с Кирой Павловной знаем Женечку уже два года. И все эти два года мы с супругой ловим себя на мысли, что наши дети друг другу подходят. За все это время ни я, ни Кира Павловна не видели в их отношениях ничего, что могло бы насторожить нас как родителей. Считаю своим долгом объявить, что целиком и полностью одобряю желание детей связать себя семейными узами и прошу вас встречно высказать свое отношение к этому решению.

– А вы ничего не добавите, Кира Павловна? – Тамара Прокофьевна пыталась отсрочить момент своего выступления, автоматически присвоив себе право выступать от лица супругов.

– Добавлю, – поднялась Вильская и обратилась к Женечке: – Если он, – кивнула она на сына, – будет тебя обижать, скажи мне. Я наведу порядок! Я вот просто собственными руками, если что...

– Ки-и-ира, – простонал Николай Андреевич, расстроенный тем, что своим выступлением жена разрушила торжественно-строгую атмосферу его речи.

– Что думаю, то и говорю, – огрызнулась Кира Павловна и с вызовом посмотрела на супруга.

– Теперь скажу я. – Тамара Прокофьевна речи не готовила, а потому говорила медленно, тщательно подбирая каждое слово: – Наши дети решили все за нас. – Эту фразу Кира Вильская сразу же взяла на заметку, совершенно правильно предположив, что, если бы решала Тамара Прокофьевна, все было бы по-другому. – О том, что происходит что-то неладное, – Женечка вспыхнула, – я узнала не сразу.

– Ну почему же сразу «неладное»? – заерзал на стуле тактичный Николай Робертович. – Очень даже ладное.

– Я не оговорила, – отметила Тамара Прокофьевна. – Именно неладное, потому что, когда в течение двух лет твоя дочь приезжает домой летом ровно на неделю... А среди учебы – только за продуктами и деньгами... В лучшем случае – на день...

– Ты преувеличиваешь, мама, – попыталась сгладить неловкость Женечка.

– Самую малость, моя дорогая, – криво улыбнулась Тамара Прокофьевна. – Так вот, когда твой ребенок отказывается ехать домой, это означает только одно: у твоего ребенка появился кто-то, кто стал ему дороже, чем ты. Таким человеком для моей дочери стал ваш сын. – Она мельком взглянула на младшего Вильского. – И уже ничего нельзя исправить, поэтому я говорю, что со всем согласна, если так хочется Женечке, – буквально выдавила из себя Тамара

Прокофьевна и прикусила губу, чтобы не расплакаться.

– Томочка, ну что ты?! – бросился успокаивать жену Швейцер, но сделал это с таким усердием, что присутствующим стало ясно: Николай Робертович пытается хоть как-то отвлечь гостей от двусмысленного содержания прозвучавшей речи.

– Папа, – взмолилась несчастная Женечка. – А ты ничего не скажешь?

– Скажу, – заворковал Швейцер. – Конечно, скажу. Я – за! Женечка! Женя! Любите друг друга, вы молоды, красивы, у вас все впереди. Будьте счастливы, дети! Совет да любовь!

– Еще «горько!» крикни, – себе под нос прошептала Тамара Прокофьевна, а захмелевший от собственного выступления Николай Робертович понял все буквально:

– Го-о-орько!

Молодые переглянулись, но публично поцеловаться не осмелились, хотя Кира Павловна уже подготовилась к тому, чтобы приумножить «горько!» вслед за Швейцером.

– Вот и договорились, – грустно проронила Тамара Прокофьевна и обвела присутствующих взглядом. Похоже, никто, кроме нее, не был расстроен. Ну, может быть, совсем немного старший Вильский, да и то потому, что не терпел никаких вольностей в отношениях и всегда был скуп на прикосновения любого рода в присутствии посторонних.

– Надо выпить, – буднично предложил сияющий, точно пятак на солнце, Швейцер и потянулся за графинчиком с водкой.

– Куда? – одернула его жена. – Сначала женщинам.

Кира Павловна любила полусладкое, Тамара Прокофьевна – сухое. Пока судились-рядились, вышел конфуз – стухла рыба. Ни с того ни с сего взяла и запахла. Решили: от жары! И только Тамара Прокофьевна мстительно

подумала: «Как же от жары! От гостей», а потом вечером, когда возвращалась, проводив сватов, с речного вокзала, мстительно напомнила, напугав дочь до полусмерти: «Плохая примета. Это знак».

И Женечка поверила – и расстроилась и даже тайком немного поплакала, а потом решила не обращать внимания на всякие глупости и легла спать.

Во сне ей снилась протухшая рыба, по ней ползали зеленые перламутровые мухи и противно жужжали. А потом Женечка увидела себя голой и проснулась с ощущением удушья.

Соскочив с кровати, девушка подбежала к окну, распахнула створки и втянула в себя прохладный утренний воздух. «Куда ночь, туда и сон!» – трижды проговорила она девичье заклинание и махнула рукой встающему над землей солнцу. Впереди Женечку ждала новая жизнь. И слава богу, эта новая жизнь начнется в Верейске.

– Ну и зря! – по этому поводу вчера вечером сказала Тамара Прокофьевна, услышав от молодых, что они в Долинск не приедут. – Здесь у меня связи, знакомства. Я могла бы устроить вас обоих на ГЭС. Со временем обзавелись бы квартирой. Но если вам нравится ютиться на пяти квадратных метрах или жить в общежитии, получать нищенские зарплаты инженеров и во всем себе отказывать, ради бога!

– Им не придется жить на пяти квадратных метрах! – вмешалась Кира Павловна. – Мы с Колей отдадим им зал.

– И сколько ваш зал? – скривилась Тамара Прокофьевна, считавшая, что ее жилищные условия во много раз превосходят жилищные условия главного инженера приборостроительного завода Верейска.

– Двадцать четыре метра, – изящно обронила Кира Павловна и улыбнулась как можно скромнее, глядя в лицо противнику.

– Сколько?! – не поверила своим ушам Тамара Прокофьевна Швейцер.

– Двадцать четыре метра, – повторила жена Вильского и призвала мужа в свидетели: – Я ничего ведь не путаю, Коля?

– Двадцать три и восемь, – поправил жену любящий точность Николай Андреевич. – Но дело не в этом. В Верейске у ребят хорошие перспективы: Женю ждет место в НИИ, а Женечку – в нашем КБ. Через какое-то время, я думаю, у них, как у молодых специалистов, появится шанс получить квартиру.

– Или общежитие, – добавил младший Вильский.

– Общежитие? – растерялась Женечка.

– Общежитие, Желтая, общежитие. А что ты так напугалась? – потрепал ее за волосы будущий муж.

– Я не хочу в общежитие, – наотрез отказалась Женечка. – Мне и съемной квартиры хватило!

– Никаких общежитий, – поддержал будущую сноху Николай Андреевич. – Живите с нами, а дальше посмотрим.

«Посмотрят они!» – разорвалась потом Тамара Прокофьевна, недоумевавшая, как это главный инженер столь крупного завода не может выбить для единственного сына квартиру.

– Ни за что не поверю, что у него нет такой возможности! – наскокивала она на Женечку, терпеливо ожидавшую грядущие изменения к лучшему. – А то я не знаю, как живет начальство!

– Тамара, – успокаивал жену Николай Робертович. – Начальство начальству рознь. Бывает и честное начальство, между прочим. Да и потом...

– Помолчи, пожалуйста, – обрывала мужа на полуслове Тамара Прокофьевна и пыталась дочь: – Сколько он получает?

– Женя?

– При чем тут твой Женя?! – размахивала руками Тамара Прокофьевна. – Николай Андреевич!

– Я не знаю, – абсолютно честно отвечала Женечка, далекая от того, чтобы судить о человеке по его зарплате. – Кира Павловна мне никогда об этом не говорила. В их семье это не принято.

– Все правильно! Она что, дура? С тобой об этом разговаривать? – бесновалась Тамара Прокофьевна, подозревая сватью во всех грехах. – Сколько она с вас берет?

– В смысле? – терялась в догадках Женечка.

– Сколько денег она берет с вас за питание?

– Нисколько, – отстаивала Женечка честь свекрови.

– А что ты ее так защищаешь? – переходила на крик Тамара Прокофьевна. – Она тебе что? Мать родная?

– Она мать родная моему мужу, – напоминала ей Женечка Вильская, пытаясь сдерживать разрастающееся внутри раздражение.

– Вот именно, мужу, а не тебе!

– Иногда, – Женечка сузила глаза и приподнялась на цыпочки, чтобы стать выше, – иногда я думаю, что лучше бы Кира Павловна была мне родной матерью! Вот, – расплакалась она и погладила руками живот.

– Что-о-о-о? – чуть не задохнулась Тамара Прокофьевна.

– Что слышала! – Женечка решила защищаться. – Зачем я только приехала?

– А зачем ты приехала? – неожиданно спокойно поинтересовалась у молодой Вильской ее мать. – Сидела бы рядом со своей разлюбленной Кирой Павловной, гладила бы ей ручки, ножки.

– Я соскучилась, – разрыдалась Женечка, а Тамара Прокофьевна, увидев, как легко дочь переходит от крика к слезам, заподозрила неладное.

– Ты что, Женя, беременна?

– Да, – провыла Женечка и скрестила руки на животе. – Приехала сказать. Думала, ты порадуешься.

– Я? – растерялась Тамара Прокофьевна, а потом взяла себя в руки и буквально выдавила: – Я, конечно, порадуюсь. Я очень рада.

– Хватит врать! – завизжала Женечка. – Неужели я не вижу, что ты не рада.

– Да! Я не рада! – отставила в сторону все церемонии Швейцер. – Я не рада, потому что это не ко времени. Ты всего год замужем! Даже меньше.

– Ну и что-о-о?!

– Ну и то! А вдруг между вами что-то не заладится? Он молодой мужик, ему женщина нужна, а ты беременна. Сколько раз тебе можно говорить: слушай мать. Она тебе плохого не пожелает.

– Если бы я тебя слушала, – выстрелила в Тамару Прокофьевну Женечка, – я была бы самым несчастным человеком на свете.

– А так ты самая счастливая? – передернула ее мать.

– Да, – с абсолютной уверенностью произнесла Женечка Вильская. – Счастливая. Потому что я люблю Женьку, нам хорошо вместе и у нас будет ребенок. Нравится тебе это или нет!

– Женя, – вдруг осела Тамара Прокофьевна, – ну посмотри на меня. Разве я желаю тебе плохого?

Проникновенная интонация подкупила Женю, и она присела рядом с матерью.

– Просто у меня есть опыт. Твой рыжий будет гулять. Вот увидишь. Не пройдет и трех лет, как ты это почувствуешь. Он всегда в центре внимания: поет, играет, юморит. А женщинам это нравится. Их медом не корми. Поэтому я и просила тебя: подожди, не беременей. Поживи в свое удовольствие.

– А если я так не хочу? – сдвинула брови Женечка. – И с чего ты решила, что будет по-твоему?

– Потому что я разбираюсь в людях. И потому что я люблю тебя, ты у меня единственная. И мне тебя, глупую, жалко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bulatova_tat-yana/tri-zhenschiny-odnogo-muzhchiny

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)